

Генрик
Ибсен

Annotation

Утверждая роль сознания в поведении своих героев, Ибсен строит действие

своих пьес как неотвратимый процесс, закономерно обусловленный определенными

предпосылками. Поэтому он решительно отвергает какие бы то ни было сюжетные

натяжки, всякое непосредственное вмешательство случая в определение судьбы своих героев. Развязка пьесы должна быть необходимым результатом столкновения

противоборствующих сил, вытекающая из их подлинного, глубинного характера. Развитие сюжета должно быть существенным,

то есть основываться на реальных, типических чертах изображенной действительности. Но это достигается не путем схематизации сюжета. Напротив,

ибсеновские пьесы обладают подлинной жизненностью. В них множество

различных мотивов, конкретных и своеобразных, непосредственно отнюдь не порожденных основной проблематикой пьесы. Но эти побочные мотивы

не разбивают и не подменяют собой логику развития центрального конфликта, а

только оттеняют этот конфликт, иногда даже содействуют тому, чтобы он выступил с особенной силой. Так в "Кукольном доме" есть сцена, которая могла

бы стать основой для "счастливой развязки" изображенной в пьесе коллизии.

Когда Кrogстад узнает, что фру Линне, подруга Норы, любит его и готова -

несмотря на его темное прошлое - выйти за него замуж, он предлагает ей взять

обратно свое роковое письмо Хельмеру. Но фру Линне не хочет этого. Она

говорит: "Нет, Кrogстад, не требуйте своего письма

обратно... Пусть Хельмер
все узнает. Пусть эта злополучная тайна выйдет
на свет божий. Пусть они,
наконец, объяснятся между собой начистоту. Невозможно, что
продолжалось – эти вечные тайны, увертки". Итак, действие
не сворачивает в
сторону под влиянием случая, а направляется к
своей подлинной развязке, в
которой раскрывается истинная сущность отношений между
Норой и ее мужем.

В.Адмони. Генрик Ибсен и его творческий путь

- [Генрик Ибсен.](#)
  - [Действие первое](#)
  - [Действие второе](#)
  - [Действие третье](#)
-
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Генрик Ибсен. Кукольный дом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Адвокат Хельмер.

Нора, его жена.

Доктор Ранк.

Фру Линне.

Частный поверенный Кругстад.

Трое маленьких детей четы Хельмер.

Анна-Мария, их нянька.

Служанка в доме Хельмера.

Посыльный.

Действие происходит в квартире Хельмера.

Действие первое

Уютная комната, обставленная со вкусом, но недорогой мебелью. В глубине, в средней стене, две двери: одна, справа, ведет в переднюю, другая, слева, в кабинет Хельмера. Между этими дверями пианино. Посредине левой боковой стены дверь, ближе к авансцене окно. Около окна круглый стол с креслами и диванчиком. В правой стене, несколько подальше вглубь, тоже дверь, а впереди изразцовая печка; перед нею несколько кресел и качалка. Между печкой и дверью столик. По стенам гравюры. Этажерка с фарфоровыми и прочими безделушками, книжный шкафчик с книгами в роскошных переплетках. На полу ковер. В печке огонь. Зимний день. В передней звонок. Немного погода слышно, как дверь отпирают. Из передней в комнату входит, весело напевая, Нора, в верхней одежде, нагруженная ворохом пакетов и свертков, которые она складывает на стол направо. Дверь в переднюю остается открытой, и там виднеется посыльный, принесший елку и корзину, которые он отдает служанке, отворившей дверь.

НОРА. Хорошенько припрячь елку, Элене. Дети не должны увидеть ее раньше вечера, когда она будет украшена. (*Посыльному, вынимая портмоне.*) Сколько?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Пятьдесят эре!

НОРА. Вот корона... Нет, оставьте себе все.

Посыльный кланяется и уходит. Нора затворяет дверь в переднюю, снимает с себя верхнее платье, продолжая посмеиваться тихим, довольным смехом. Потом вынимает из кармана мешочек с миндальным печеньем и съедает несколько штук. Осторожно идет к двери, ведущей в комнату мужа, и прислушивается.

Да, он дома. *(Снова напевает, направляясь к столу.)*

ХЕЛЬМЕР *(из кабинета)*. Что это, жаворонок запел?

НОРА *(развертывая покупки)*. Он самый.

ХЕЛЬМЕР. Белочка там возится?

НОРА. Да!

ХЕЛЬМЕР. Когда же белочка вернулась?

НОРА. Только что. *(Прячет мешочек с печеньем в карман и обтирает себе губы)*. Поди сюда, Торвальд, погляди, чего я накупила!

ХЕЛЬМЕР. Постой, не мешай. *(Немного погодя открывает дверь и заглядывает в комнату, держа перо в руке)*. Накупила, говоришь? Все это?.. Так птичка опять улетала сорить денежками?

НОРА. Знаешь, Торвальд, пора же нам наконец немножко раскутиться. Это ведь первое рождество, что нам нет нужды так стеснять себя.

ХЕЛЬМЕР. Ну и мотать нам тоже нельзя.

НОРА. Немножко-то можно! Правда? Самую чуточку! Тебе ведь положили теперь большое жалованье, и ты будешь зарабатывать много-много денег.

ХЕЛЬМЕР. Да, с нового года. Но выдадут мне жалованье только через три месяца.

НОРА. Пустяки! Можно занять пока.

ХЕЛЬМЕР. Нора! *(Подходит и шуточно берет ее за ушко)*. Опять наше легкомыслие тут как тут. Ты представь себе, сегодня я займу тысячу крон, ты потратишь их на праздниках, а накануне Нового года мне свалится на голову черепица с крыши – и готово.

НОРА *(закрывая ему рот рукой)*. Фу! Не говори таких гадких вещей.

ХЕЛЬМЕР. Нет, ты представь себе подобный случай, – что тогда?

НОРА. Если бы уж случился такой ужас, то для меня было бы все равно – есть у меня долги или нет.

ХЕЛЬМЕР. Ну, а для людей, у которых я бы занял?

НОРА. Для них? А чего о них думать! Ведь это же чужие!

ХЕЛЬМЕР. Нора, Нора, ты est женщина! Но серьезно, Нора, ты ведь знаешь мои взгляды на этот счет. Никаких долгов! Никогда не занимать! На домашний очаг, основанный на займах, на долгах, ложится какая-то некрасивая тень зависимости. Продержались же мы с тобой, храбро до сегодняшнего дня, так уж потерпим и еще немножко, – недолго ведь.

НОРА *(отходя к печке)*. Да что же, как хочешь, Торвальд.

ХЕЛЬМЕР *(за нею)*. Ну, ну, вот птичка и опустила крылышки. А? Белочка надулась. *(Вынимает портмоне)*. Нора, как ты думаешь, что у меня тут?

НОРА (*оборачиваясь, живо*). Деньги!

ХЕЛЬМЕР. Вот тебе! (*Подает ей несколько бумажек.*) Господи, я ведь знаю, мало ли в доме расходов на праздниках.

НОРА (*считая*). Десять, двадцать, тридцать, сорок. Спасибо, спасибо тебе, Торвальд. Теперь мне надолго хватит.

ХЕЛЬМЕР. Да, уж ты постарайся.

НОРА. Да, да, непременно. Но поди сюда, я тебе покажу, что я накупила. И как дешево! Гляди, вот новый костюм Ивару и сабля. Вот лошадка и труба Бобу. А вот кукла и кукольная кроватка для Эмми. Простенькие, но она все равно их скоро ломает. А тут на платья и передники прислуге. Старухе Анне-Марии следовало бы, конечно, подарить побольше...

ХЕЛЬМЕР. А в этом пакете что?

НОРА (*вскакивая*). Нет, нет, Торвальд! Этого тебе нельзя видеть до вечера!

ХЕЛЬМЕР. Ну-ну! А ты вот что скажи мне, маленькая мотовка, что ты себе самой присмотрела?

НОРА. Э, мне ровно ничего не надо.

ХЕЛЬМЕР. Разумеется, надо! Назови же мне теперь что-нибудь такое разумное, чего бы тебе больше всего хотелось.

НОРА. Право же, не надо. Или послушай, Торвальд...

ХЕЛЬМЕР. Ну? Н о р а (*перебирая пуговицы его пиджака и не глядя на него*). Если уж ты хочешь подарить мне что-нибудь, так ты бы... ты бы...

ХЕЛЬМЕР. Ну, ну, говори же.

НОРА (*быстро*). Ты бы дал мне деньгами, Торвальд. Сколько можешь. Я бы потом, на днях и купила себе на них что-нибудь.

ХЕЛЬМЕР. Нет, послушай, Нора...

НОРА. Да, да, сделай так, милый Торвальд! Прошу тебя! Я бы завернула деньги в золотую бумажку и повесила на елку. Разве это не было бы весело?

ХЕЛЬМЕР. А как зовут тех пташек, которые вечно сорят денежками?

НОРА. Знаю, знаю, – мотовками. Но сделаем, как я говорю, Торвальд. Тогда у меня будет время обдумать, что мне особенно нужно. Разве это не благоразумно? А?

ХЕЛЬМЕР (*улыбаясь*). Конечно, то есть если бы ты в самом деле могла придержать эти деньги и потом действительно купить на них что-нибудь себе самой. А то и они уйдут на хозяйство, на разные ненужные мелочи, и мне опять придется раскошелиться.

НОРА. Ах, Торвальд...

ХЕЛЬМЕР. Тут спорить не приходится, милочка моя! *(Обнимает ее.)* Птичка мила, но тратит ужасно много денег. Просто невероятно, как дорого обходится мужу такая птичка.

НОРА. Фу! Как можно так говорить! Я же экономлю, сколько могу.

ХЕЛЬМЕР *(весело)*. Вот уж правда истинная! Сколько можешь. Но ты совсем не можешь.

НОРА *(напевает и улыбается)*. Гм! Знал бы ты, сколько у нас, жаворонков и белочек, всяких расходов, Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Ты маленькая чудачка! Две капли воды – твой отец. Только и хлопчешь, как бы раздобыть денег. А как добудешь – глядь, они между пальцами и прошли, сама никогда не знаешь, куда их девала. Ну что ж, приходится брать тебя такой, какова ты есть. Это уж в крови у тебя. Да, да, это в тебе наследственное, Нора.

НОРА. Ах, побольше бы мне унаследовать от папы его качеств!

ХЕЛЬМЕР. А мне бы не хотелось, чтобы ты была другой, чем ты есть, мой милый жавороночек! Но слушай, мне сдается, ты... у тебя... как бы это сказать? У тебя какой-то подозрительный вид сегодня.

НОРА. У меня?

ХЕЛЬМЕР. Ну да. Погляди-ка мне прямо в глаза.

НОРА *(глядит на него)*. Ну?

ХЕЛЬМЕР *(грозя пальцем)*. Лакомка не кутнула сегодня немножко в городе?

НОРА. Нет, что ты!

ХЕЛЬМЕР. Будто уж лакомка не забегала в кондитерскую?

НОРА. Но уверяю тебя, Торвальд...

ХЕЛЬМЕР. И не отведала варенья?

НОРА. И не думала.

ХЕЛЬМЕР. И не погрызла миндальных печений?

НОРА. Ах, Торвальд, уверяю же тебя...

ХЕЛЬМЕР. Ну-ну-ну! Естественно, я просто шучу...

НОРА *(идя к столу направо)*. Мне и в голову не пришло бы делать тебе наперекор.

ХЕЛЬМЕР. Знаю, знаю. Ты ведь дала мне слово. *(Подходя к ней.)* Ну, оставь при себе свои маленькие рождественские секреты, моя дорогая Нора. Они, верно, всплывут наружу сегодня же вечером, когда будет зажжена елка.

НОРА. Ты не забыл пригласить доктора Ранка?

ХЕЛЬМЕР. Не приглашал. Да это и не нужно. Само собой, он ужинает у нас. Впрочем, я еще успею ему напомнить: он зайдет до обеда. Вино я

заказал хорошее. Нора, ты не поверишь, как я радуюсь сегодняшнему вечеру.

НОРА. И я! А дети-то как будут рады, Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Ах, какое наслаждение сознавать, что ты добился верного, обеспеченного положения, что у тебя будет теперь солидный доход. Не правда ли, приятное сознание?

НОРА. О, чудесно!

ХЕЛЬМЕР. А помнишь прошлое рождество? Ты целые три недели затворялась у себя по вечерам и до поздней ночи все мастерила цветы и какие-то другие прелести для елки, которыми хотела всех нас поразить. У-у, скучнее времени я не запомню.

НОРА. Я-то вовсе не скучала.

ХЕЛЬМЕР *(с улыбкой)*. Но толку-то вышло немного, Нора.

НОРА. Ты опять будешь меня дразнить этим? Что же я могла поделать, если кошка забралась и все разодрала в куски!

ХЕЛЬМЕР. Ну, разумеется, ничего не могла поделать, моя бедняжечка. Ты от всей души хотела нас всех порадовать, и в этом вся суть. Но хорошо все-таки, что эти тугие времена прошли.

НОРА. Да, прямо чудесно!

ХЕЛЬМЕР. Не нужно больше ни мне сидеть одному и скучать, ни тебе портить свои милые, славные глазки и нежные ручки...

НОРА *(хлопая о ладоши)*. Не правда ли, Торвальд, не нужно больше? Ах, как чудесно, восхитительно слышать это! *(Берет его под руку)*. Теперь я расскажу тебе, как я мечтаю устроиться, Торвальд. Вот, как только праздники пройдут... Звонок в передней. Ах, звонят! *(Прибирает немного в комнате)*. Верно, кто-нибудь к нам. Досадно.

ХЕЛЬМЕР. Если кто-нибудь в гости, меня нет дома, помни.

СЛУЖАНКА *(в дверях передней)*. Фру, там незнакомая дама.

НОРА. Так проси сюда.

СЛУЖАНКА *(Хельмеру)*. И доктор.

ХЕЛЬМЕР. Прямо ко мне прошел?

СЛУЖАНКА. Да, да.

Хельмер уходит в кабинет. Служанка вводит фру Линне, одетую по-дорожному, и закрывает за нею дверь.

ФРУ ЛИННЕ *(смущенно, с запинкой)*. Здравствуй, Нора.

НОРА (*неуверенно*). Здравствуйте...

ФРУ ЛИННЕ. Ты, видно, не узнаешь меня?

НОРА. Нет. Не знаю... Да, кажется... (*Порывисто*.) Как! Кристина...
Неужели ты?!

ФРУ ЛИННЕ. Я.

НОРА. Кристина! А я-то не узнала тебя сразу! Да и как было...
(*Понизив голос*.) Как ты переменялась, Кристина!

ФРУ ЛИННЕ. Еще бы. За девять-десять долгих лет...

НОРА. Неужели мы так давно не видались? Да, да, так и есть. Ах, последние восемь лет – вот, право, счастливое было время!.. Так ты приехала сюда, к нам в город? Пустилась в такой длинный путь зимой! Храбрая!

ФРУ ЛИННЕ. Я сегодня только приехала с утренним пароходом.

НОРА. Чтобы повеселиться на праздниках, конечно. Ах, как славно! Ну и повеселимся же! Да ты разденься. Тебе ведь не холодно? (*Помогает ей*.) Вот так. Теперь усядемся поудобнее около печки. Нет, ты в кресло! А я на качалку! (*Берет ее за руки*.) Ну вот, теперь опять у тебя твое прежнее лицо. Это лишь в первую минуту... Хотя немножко ты все-таки побледнела, Кристина, и, пожалуй, немножко похудела.

ФРУ ЛИННЕ. И сильно, сильно постарела, Нора.

НОРА. Пожалуй, немножко, чуть-чуть, вовсе не очень. (*Вдруг останавливается и переходит на серьезный тон*.) Но какая же я пустоголовая – сижу тут, болтаю! Милая, дорогая Кристина, прости меня!

ФРУ ЛИННЕ. В чем дело, Нора?

НОРА (*тихо*). Бедная Кристина, ты же овдовела.

ФРУ ЛИННЕ. Три года назад.

НОРА. Да, я знаю. Я читала в газетах. Ах, Кристина, поверь, я столько раз собиралась написать тебе в то время, да все откладывала, все что-нибудь мешало.

ФРУ ЛИННЕ. Милая Нора, я отлично понимаю.

НОРА. Нет, это было гадко с моей стороны, Кристина. Ах ты, бедняжка, сколько ты, верно, перенесла. И он не оставил тебе никаких средств?

ФРУ ЛИННЕ. Никаких.

НОРА. Ни детей?

ФРУ ЛИННЕ. Ни детей.

НОРА. Ничего, стало быть?

ФРУ ЛИННЕ. Ничего. Даже ни горя, ни сожалений, чем можно было бы питать память.

НОРА (*глядя на нее недоверчиво*). Но как же это может быть, Кристина?

ФРУ ЛИННЕ (*с горькой улыбкой, глядя Нору по голове*). Иногда бывает, Нора.

НОРА. Значит, одна-одинешенька. Как это должно быть ужасно тяжело. А у меня трое прелестных детей. Сейчас ты их не увидишь. Они гуляют с нянькой. Но ты непременно Расскажи мне обо всем...

ФРУ ЛИННЕ. Нет, нет, нет, рассказывай лучше ты.

НОРА. Нет, сначала ты. Сегодня я не хочу быть эгоисткой. Хочу думать только о твоих делах. Но одно все-таки мне надо сказать тебе. Знаешь, какое счастье привалило нам на днях?

ФРУ ЛИННЕ. Нет. Какое?

НОРА. Представь, муж сделался директором Акционерного банка!

ФРУ ЛИННЕ. Твой муж? Вот удача!..

НОРА. Невероятная! Адвокатура – это такой неверный хлеб, особенно если желаешь браться только за самые чистые, хорошие дела. А Торвальд, разумеется, других никогда не брал, и я, конечно, вполне с ним согласна. Ах, ты понимаешь, как мы рады. Он вступит в должность с Нового года и будет получать большое жалованье и хорошие проценты. Тогда мы сможем жить совсем по-другому, чем до сих пор, вполне по своему вкусу. Ах, Кристина, у меня так легко стало на сердце, я так счастлива! Ведь это же чудесно иметь много-много денег и не знать ни нужды, ни забот. Правда?

ФРУ ЛИННЕ. Да, во всяком случае, должно быть чудесно иметь все необходимое.

НОРА. Нет, не только необходимое, но много-много денег.

ФРУ ЛИННЕ (*улыбаясь*). Нора, Нора! Ты все еще не стала благоразумнее! В школе ты была большой мотовкой.

НОРА (*тихопосмеиваясь*). Торвальд и теперь меня так зовет. (*Грозит пальцем.*) Однако «Нора, Нора» не такая уж сумасбродка, как вы воображаете... Нам, право, не так жилось, чтобы я могла мотать. Нам обоим приходилось работать!

ФРУ ЛИННЕ. И тебе?

НОРА. Ну да, разные там мелочи по части рукоделья, вязанья, вышиванья и тому подобного. (*Вскользь.*) И... кое-что еще. Ты ведь знаешь, что Торвальд оставил службу в министерстве, когда мы поженились? Не было никаких видов на повышение, а зарабатывать ведь надо было больше прежнего. Ну, в первый год он работал сверх всяких сил. Просто ужасно. Ему приходилось брать всякие добавочные занятия – ты понимаешь – и работать с утра до вечера. Ну и не выдержал, захворал, был при смерти, и

доктора объявили, что необходимо отправить его на юг.

ФРУ ЛИННЕ. Вы и провели тогда целый год в Италии?

НОРА. Ну да. А не легко было нам подняться с места, поверь. Ивар тогда только что родился. Но ехать все-таки было необходимо. Ах, что это была за чудная, дивная поездка! И Торвальд был спасен. Но сколько денег пошло – страсть, Кристина!

ФРУ ЛИННЕ. Могу себе представить.

НОРА. Тысяча двести специй-далеров. Четыре тысячи восемьсот крон. Большие деньги.

ФРУ ЛИННЕ. Да, но, во всяком случае, большое счастье, если есть где взять их в такое время.

НОРА. Надо тебе сказать, мы получили их от папы.

ФРУ ЛИННЕ. А, так. Да, кажется, отец твой как раз тогда и умер.

НОРА. Да, как раз тогда. И подумай, я не могла поехать к нему, ходить за ним. Я со дня на день ждала малютку Ивара. И вдобавок у меня на руках был мой бедный Торвальд, чуть не при смерти. Милый, дорогой папа! Так и не пришлось мне больше свидеться с ним, Кристина. Это самое тяжелое горе, что я испытала замужем.

ФРУ ЛИННЕ. Я знаю, ты очень любила отца. Так, значит, после этого вы отправились в Италию?

НОРА. Да. Деньги ведь у нас были, а доктора гнали... Мы и уехали через месяц.

ФРУ ЛИННЕ. И муж твой вернулся вполне здоровым?

НОРА. Совершенно!

ФРУ ЛИННЕ. А... доктор?

НОРА. То есть?

ФРУ ЛИННЕ. Кажется, девушка сказала, что господин, который пришел со мной вместе, – доктор.

НОРА. А-а, это доктор Ранк. Но он приходит не с врачебным визитом. Это наш лучший друг, и уж хоть разок в день, да наведается к нам. Нет, Торвальд с тех пор ни разу не прихворнул даже. И дети бодры и здоровы, и я. *(Вскакивая и хлопая в ладоши.)* О господи, Кристина, как чудесно жить и чувствовать себя счастливой! Нет, это просто отвратительно с моей стороны – я говорю все только о себе. *(Садится на скамеечку рядом с фру Линне и кладет руки ей на колени.)* Ты не сердись на меня!.. Скажи, правда это: ты в самом деле не любила своего мужа? Зачем же ты вышла за него?

ФРУ ЛИННЕ. Мать моя была еще жива, но такая слабая, беспомощная, не вставала с постели. И еще у меня были на руках два младших брата. Я и не сочла себя вправе отказать ему.

НОРА. Да, да, пожалуй, ты права. Значит, он был тогда богат?

ФРУ ЛИННЕ. Довольно состоятелен, кажется. Но дело его было поставлено непрочно. И когда он умер, все рухнуло и ничего не осталось.

НОРА. И?..

ФРУ ЛИННЕ. И мне пришлось перебиваться мелкой торговлей, маленькой школой и вообще чем придется. Эти три последних года тянулись для меня, как один долгий, сплошной рабочий день без отдыха. Теперь он кончился, Нора. Моя бедная мать не нуждается во мне больше – умерла. И мальчики стали на ноги, сами могут о себе заботиться.

НОРА. Так у тебя теперь легко на душе...

ФРУ ЛИННЕ. Не скажу. Напротив, страшно пусто. Не для кого больше жить. *(Встает в волнении.)* Оттого я и не выдержала там у нас, в медвежьем углу. Тут, верно, легче будет найти, к чему приложить силы и чем занять мысли. Удалось бы мне только получить какую-нибудь постоянную службу, какую-нибудь конторскую работу...

НОРА. Ах, Кристина, это так ужасно утомительно, а у тебя и без того такой измученный вид. Тебе бы лучше поехать куда-нибудь на купанья.

ФРУ ЛИННЕ *(отходя к окну)*. У меня нет папы, который бы снабдил меня деньгами на дорогу, Нора.

НОРА *(вставая)*. Ах, не сердись на меня!

ФРУ ЛИННЕ *(идя к ней)*. Милая Нора, ты на меня не сердись. Хуже всего в моем положении то, что в душе осаждается столько горечи. Работать не для кого, а все-таки приходится хлопотать и всячески биться. Жить ведь надо, вот и становишься эгоисткой. Ты сейчас рассказала мне о счастливой перемене ваших обстоятельств, а я – поверишь – обрадовалась не столько за тебя, сколько за себя.

НОРА. Как так? Ах, понимаю: ты думаешь, Торвальд может что-нибудь сделать для тебя?

ФРУ ЛИННЕ. Я это подумала.

НОРА. Он и сделает, Кристина. Предоставь только все мне. Я так тонко-тонко все подготовлю, придумаю что-нибудь такое особенное, чем задобрить его. Ах, я бы от души хотела помочь тебе.

ФРУ ЛИННЕ. Как это мило с твоей стороны, Нора, что ты так горячо берешься за мое дело... Вдвойне мило с твоей стороны, – тебе самой так мало знакомы житейские заботы и тяготы.

НОРА. Мне? Мне они мало знакомы?

ФРУ ЛИННЕ *(улыбаясь)*. Ну, боже мой, какие-то занятия рукоделием и тому подобное... Ты дитя, Нора!

НОРА *(закидывая голову и прохаживаясь по комнате)*. Тебе бы не

следовало говорить со мной таким тоном.

ФРУ ЛИННЕ. Да?

НОРА. И ты – как другие. Вы все думаете, что я не годна ни на что серьезное...

ФРУ ЛИННЕ. Ну-ну?

НОРА. Что я ровно ничего такого не испытала в этой трудной жизни.

ФРУ ЛИННЕ. Милая Нора, ты же только что поведала мне все свои испытания.

НОРА. Э, пустяки одни! *(Тихо.)* Главного я тебе не рассказала.

ФРУ ЛИННЕ. Главного? Что ты хочешь сказать?

НОРА. Ты все смотришь на меня свысока, Кристина. А это напрасно. Ты гордишься, что несла такой тяжелый, долгий труд ради своей матери...

ФРУ ЛИННЕ. Я, право, ни на кого не смотрю свысока. Но верно – я горжусь и радуюсь, вспоминая, что мне выпало на долю облегчить остаток дней моей матери.

НОРА. Ты гордишься также, вспоминая, что сделала для братьев.

ФРУ ЛИННЕ. Мне кажется, я вправе.

НОРА. И мне так кажется. Но вот ты послушай, Кристина. И мне есть чем гордиться, чему радоваться.

ФРУ ЛИННЕ. Не сомневаюсь! Но в каком смысле?

НОРА. Говори тише. Вдруг Торвальд услышит! Ему ни за что в мире нельзя... Никому нельзя знать об этом, Кристина, никому, кроме тебя.

ФРУ ЛИННЕ. Да в чем дело?

НОРА. Поди сюда. *(Привлекает ее на диван рядом с собой.)* Да, видишь... и мне есть чем гордиться, чему радоваться. Это я спасла жизнь Торвальду.

ФРУ ЛИННЕ. Спасла? Как спасла?

НОРА. Я же рассказывала тебе о поездке в Италию. Торвальд не выжил бы, если бы не попал на юг.

ФРУ ЛИННЕ. Ну да. И твой отец дал вам нужные средства.

НОРА *(с улыбкой)*. Это Торвальд так думает и все другие, но...

ФРУ ЛИННЕ. Но...

НОРА. Папа не дал нам ни гроша. Это я достала деньги.

ФРУ ЛИННЕ. Ты? Всю эту крупную сумму?

НОРА. Тысячу двести специй. Четыре тысячи восемьсот крон. Что ты скажешь?

ФРУ ЛИННЕ. Но как это возможно, Нора? Выиграла в лотерею, что ли?

НОРА *(презрительно)*. В лотерею! *(Фыркает.)* Это была бы не штука!

ФРУ ЛИННЕ. Так откуда же ты взяла их?

НОРА (*напевая и таинственно улыбаясь*). Гм! Тра-ля-ля-ля!

ФРУ ЛИННЕ. Не могла же ты занять.

НОРА. Вот? Почему так?

ФРУ ЛИННЕ. Да жена ведь не может делать долгов без согласия мужа.

НОРА (*закидывая голову*). Ну, если жена немножко смыслит в делах, если жена понимает, как нужно умненько взяться за дело, то...

ФРУ ЛИННЕ. Нора, я решительно ничего не понимаю.

НОРА. И не надо тебе понимать. Я ведь и не сказала, что заняла деньги. Могла же я добыть их другим путем. (*Откидывается на спинку дивана*.) Могла получить от какого-нибудь поклонника. При такой привлекательной наружности, как у меня...

ФРУ ЛИННЕ. Ты сумасбродка.

НОРА. Теперь тебе, верно, безумно хотелось бы все узнать, Кристина?

ФРУ ЛИННЕ. Послушай, милая Нора, ты не выкинула чего-нибудь безрассудного?

НОРА (*выпрямляясь на диване*). Разве безрассудно спасти жизнь своему мужу?

ФРУ ЛИННЕ. По-моему, безрассудно, если ты без его ведома...

НОРА. Да ведь ему нельзя было ни о чем знать! Господи, как ты этого не понимаешь? Он не должен был и подозревать, в какой он опасности. Это мне доктора сказали, что жизнь его в опасности, что одно спасение – увезти его на юг. Ты думаешь, я не пыталась сначала всячески выпутаться? Я заводила разговоры о том, что и мне хотелось бы побывать за границей, как другим молодым дамам. Я и плакала, и просила; говорила, что ему не худо бы помнить о моем «положении», что теперь надо всячески мне угождать; намекала, что можно занять денег. Так он почти рассердился, Кристина. Сказал, что у меня ветер в голове и что его долг, как мужа, не потакать моим капризам и прихотям, – так он, кажется, выразился. Хорошо, хорошо, думаю я, а спасти тебя все-таки нужно, и нашла выход...

ФРУ ЛИННЕ. И твой муж так и не узнал от твоего отца, что деньги были не от него?

НОРА. Так и не узнал. Папа ведь умер как раз в эти дни. Я-то хотела было посвятить его в дело и просить, чтобы он не выдавал меня. Но он был уже так плох – и мне, к сожалению, не понадобилось прибегать к этому.

ФРУ ЛИННЕ. И ты до сих пор не призналась мужу?

НОРА. Нет, боже избави, что ты! Он такой строгий по этой части. И кроме того, с его мужским самолюбием... Для него было бы так мучительно, унижительно узнать, что он обязан мне чем-нибудь. Это

перевернуло бы вверх дном все наши отношения. Наша счастливая семейная жизнь перестала бы тогда быть тем, что она есть.

ФРУ ЛИННЕ. И ты никогда ему не скажешь?

НОРА (*подумав и слегка улыбаясь*). Да... когда-нибудь, пожалуй... когда пройдет много-много лет и я уж не буду такая хорошенькая. Ты не смейся. Я, разумеется, хочу сказать: когда я уже не буду так нравиться Торвальду, как теперь, когда его уже не будут развлекать мои танцы, переодевания, декламации. Тогда хорошо будет иметь какую-нибудь заручку... (*Обрывая.*) Вздор, вздор, вздор! Этого никогда не будет!.. Ну, что же ты скажешь о моей великой тайне, Кристина? Гожусь я на что-нибудь? Ты не думай, что это дело не причиняет мне больших забот. Мне, право, иногда совсем не легко бывает оправдывать в срок свои обязательства. В деловом мире, скажу я тебе, существует взнос процентов по третям и взносы в погашение долга, как это называется. А деньги всегда ужасно трудно добывать. Вот и приходилось экономить на чем только можно... понимаешь? Из денег на хозяйство я не могла особенно много откладывать – Торвальду нужен был хороший стол. И детей нельзя было одевать кое-как. Что я получала на них, то целиком на них и уходило. Милые мои крошки.

ФРУ ЛИННЕ. Так тебе, верно, приходилось отказывать себе самой, бедняжка?

НОРА. Понятно. Ведь я же была больше всех заинтересована! Торвальд даст, бывало, мне денег на новое платье и тому подобное, а я всегда истрочу только половину. Все подешевле да попроще покупала. Счастье еще, что мне все к лицу и Торвальд никогда ничего не замечал. Но самой-то мне иной раз бывало не легко, Кристина. Ведь это такое удовольствие хорошо одеваться! Правда?

ФРУ ЛИННЕ. Пожалуй.

НОРА. Ну, были у меня, конечно, и другие источники. Прошлой зимой повезло, я получила массу переписки. Каждый вечер запиралась у себя в комнате и писала, писала до поздней ночи. Ах, иной раз до того, бывало, устанешь! Но все-таки ужасно приятно было сидеть так и работать, зарабатывать деньги. Я чувствовала себя почти женщиной.

ФРУ ЛИННЕ. Но сколько же тебе таким путем удалось выплатить?

НОРА. Вот уж не могу сказать тебе в точности. В таких делах, видишь ли, очень трудно разобраться. Знаю лишь, что выплачивала столько, сколько мне удавалось сколотить. Но часто у меня прямо руки опускались. (*Улыбаясь.*) Тогда сяду, бывало, и начну себе представлять, что вот в меня влюбился богатый старик...

ФРУ ЛИННЕ. Что? Какой старик?

НОРА. Ах, никакой!.. Что он умирает, его завещание вскрыто, и там крупными буквами написано: «Все мои деньги получает немедленно и чистоганом любезнейшая фру Нора Хельмер».

ФРУ ЛИННЕ. Но, милая Нора, что же это за старик?

НОРА. Господи, как ты не понимаешь? Никакого старика и не было вовсе. Это просто одно мое воображение. Я просто тешила себя этим, когда не знала, где добыть денег. Ну да бог с ним совсем, с этим скучным стариком. Теперь мне все равно. Не нужно мне больше ни его, ни его завещания. Теперь у меня нет забот, Кристина! *(Вскакивает.)* О господи, какая прелесть! Подумать только: никаких забот! Не знать ни забот, ни хлопот! Жить себе да поживать, возиться с детишками! Обставить свой дом так красиво, изящно, как любит Торвальд. А там, подумай, не за горами и весна, голубое небо, простор. Может быть, удастся прокатиться куда-нибудь. Пожалуй, спясть увидеть море! Ах, право, как чудесно жить и чувствовать себя счастливой!

В передней слышен звонок.

ФРУ ЛИННЕ *(встает)*. Звонят. Мне, пожалуй, лучше уйти.

НОРА. Нет, оставайся. Сюда вряд ли кто придет. Это, верно, к Торвальду...

СЛУЖАНКА *(в дверях передней)*. Извините, фру, тут один господин желает поговорить с господином адвокатом.

НОРА. То есть с директором банка, хочешь ты сказать.

СЛУЖАНКА. С господином директором. Но я не знаю, – ведь там доктор...

НОРА. А что это за господин?

КРОГСТАД *(в дверях)*. Это я, фру Хельмер.

Фру Линне, пораженная, вздрагивает и отворачивается к окну.

НОРА *(делая шаг к вошедшему, с волнением, понизив голос)*. Вы? Что

это значит? О чем вы хотите говорить с моим мужем?

КРОГСТАД. О банковских делах, в некотором роде. Я занимаю маленькую должность в Акционерном банке, а ваш муж будет теперь нашим директором, как я слышал...

НОРА. Значит...

КРОГСТАД. По личному делу, фру Хельмер. Ничего больше.

НОРА. Так будьте добры пройти к нему в кабинет. *(Равнодушно кланяется, затворяет дверь в прихожую, за тем подходит к печке посмотреть, хорошо ли она топится.)*

ФРУ ЛИННЕ. Нора... кто это был?

НОРА. Частный поверенный Крогстад.

ФРУ ЛИННЕ. Значит, действительно он.

НОРА. Ты знаешь этого человека?

ФРУ ЛИННЕ. Знала... Несколько лет тому назад. Он ведь одно время вел дела в наших краях.

НОРА. Да, правда.

ФРУ ЛИННЕ. Как он изменился!

НОРА. Он, кажется, был очень неудачно женат.

ФРУ ЛИННЕ. Теперь ведь он вдовец?

НОРА. С кучей детей... Ну вот, разгорелось. *(Закрывает дверцу печки и слегка отодвигает в сторону качалку.)*

ФРУ ЛИННЕ. Он, говорят, занимается самыми разными делами?

НОРА. Да. Очень возможно. Я совсем не знаю. Но довольно нам думать о делах. Это скучно. Из кабинета Хельмера выходит доктор Ранк.

ДОКТОР РАНК *(еще в дверях)*. Нет, нет, я не хочу мешать. Я лучше загляну к твоей жене. *(Затворяет за собою дверь и замечает фру Линне.)* Ах, извините! Я и тут, кажется, помешаю.

НОРА. Ничуть. *(Представляет их друг другу.)* Доктор Ранк – фру Линне.

РАНК. Вот как. Это имя я частенько слышал здесь в доме. Кажется, я обогнал вас на лестнице, когда шел сюда.

ФРУ ЛИННЕ. Да!.. Я поднимаюсь очень медленно. Мне трудно...

РАНК. Ага... Маленькая порча внутреннего механизма?

ФРУ ЛИННЕ. Скорее простое переутомление.

РАНК. Только? Так, верно, приехали в город отдохнуть... бегая по гостям?

ФРУ ЛИННЕ. Я приехала сюда искать работы.

РАНК. Что же, это особенно верное средство от переутомления?

ФРУ ЛИННЕ. Жить ведь надо, доктор.

РАНК. Да, как-то принято думать, будто это необходимо.

НОРА. Ну, знаете, доктор!.. И вы ведь тоже не прочь пожить.

РАНК. Ну да, положим. Как мне ни плохо, я все-таки готов жить и мучиться как можно дольше. И все мои пациенты тоже. И все нравственные калеки то же самое. Сейчас вот один такой сидит у Хельмера...

ФРУ ЛИННЕ *(тихо)*. А!..

НОРА. Кого вы имеете в виду?

РАНК. Частного поверенного Кругстада, человека, о котором вы ничего не знаете. У него подгнили самые корни характера, сударыня. Но и он там начал твердить, как нечто непреложное, что и ему надо жить.

НОРА. Да? О чем же он пришел говорить с Торвальдом?

РАНК. Право, не знаю. Слышал только что-то насчет Акционерного банка.

НОРА. Я не знала, что Круг... что этот частный поверенный Кругстад причастен к банку.

РАНК. Да, он занимает там какую-то должность. *(Фру Линне.)* Не знаю, водятся ли и в ваших краях такого сорта люди, которые, точно в горячке, шныряют, повсюду, разнюхивая, не пахнет ли где нравственной гнилью, чтобы затем быть на виду для определения на какую-нибудь выгодную должность. Здоровым же приходится смиренно оставаться за флагом..

ФРУ ЛИННЕ. Да ведь больные-то больше всего и нуждаются в попечении.

РАНК *(пожимая плечами)*. Вот то-то и оно-то. Благодаря таким взглядам общество и превращается в больницу. Нора, занятая собственными мыслями, вдруг заливается негромким смехом и хлопает в ладоши. А вы что смеетесь над этим? Знаете ли вы, в сущности, что такое общество?

НОРА. Очень мне нужно ваше скучное общество! Я совсем другому смеюсь... Ужасно забавно! Скажите, доктор, теперь все служащие в этом банке подчинены Торвальду?

РАНК. Так это-то вас так ужасно забавляет?

НОРА *(улыбаясь и напевая)*. Это уж мое дело. Мое дело. *(Прохаживается по комнате.)* Да, в самом деле, ужасно приятно подумать, что мы... то есть Торвальд приобрел такое влияние на многих, многих людей. *(Вынимает из кармана мешочек.)*

РАНК. Те-те-те! Миндальное печенье! Я думал, это у вас запретный плод.

НОРА. Да, но это Кристина мне принесла немножко.

ФРУ ЛИННЕ. Что?.. Я?..

НОРА. Ну-ну-ну, не пугайся. Ты же не могла знать, что Торвальд запретил. Надо тебе сказать, он боится, что я испорчу себе зубы. Но что за беда – разочек! Правда, доктор? Извольте! (*Сует ему в рот печенью.*) Вот и тебе, Кристина. И мне можно одну штучку, маленькую, или уж две, так и быть. (*Прохаживается опять.*) Да, я, право, бесконечно счастлива. Одного только мне бы ужасно хотелось еще...

РАНК. Ну? Чего же это?

НОРА. Ужасно бы хотелось сказать при Торвальде одну вещь.

РАНК. Так что же вы не скажете?

НОРА. Не смею. Это гадко.

ФРУ ЛИННЕ. Гадко?

РАНК. В таком случае не советую. Но при нас можно смело... Ну, что же это вам так ужасно хотелось бы сказать при Хельмере?

НОРА. Ужасно хотелось бы сказать: черт подери!

РАНК. Что вы, что вы!

ФРУ ЛИННЕ. Помилуй, Нора!

РАНК. Скажите. Вот он идет.

НОРА (*пряча мешочек с печеньем*). Тсс-тсс-тсс!

Хельмер, с перекинутым через руку пальто и держа в другой руке шляпу, выходит из кабинета.

(*Идя к нему.*) Ну, милый, спровадил его?

ХЕЛЬМЕР. Да, ушел.

НОРА. Позволь тебя познакомить. Это Кристина, приехала сюда в город...

ХЕЛЬМЕР. Кристина?.. Извините, но я не знаю...

НОРА. Фру Линне, милый, фру Кристина Линне!

ХЕЛЬМЕР. Ах, вот что! По-видимому, подруга детства моей жены?

ФРУ ЛИННЕ. Да, мы старые знакомые.

НОРА. И представь себе, она пустилась в такой дальний путь, чтобы поговорить с тобой.

ХЕЛЬМЕР. То есть как это?

ФРУ ЛИННЕ. Не то, чтобы собственно...

НОРА. Кристина как раз отличная конторщица, и ей страшно хочется

попасть на службу к дельному человеку, чтобы еще поучиться побольше...

ХЕЛЬМЕР. Весьма разумно, сударыня.

НОРА. И когда она узнала, что ты назначен директором банка, – об этом было в газетах, – она сию же минуту полетела сюда... Правда, Торвальд, ты ради меня ведь сделаешь что-нибудь для Кристины? А?

ХЕЛЬМЕР. Да, возможно. Вы, вероятно, вдова?

ФРУ ЛИННЕ. Да.

ХЕЛЬМЕР. И опытни в конторском деле?

ФРУ ЛИННЕ. Да, порядочно.

ХЕЛЬМЕР. Так весьма вероятно, что я могу доставить вам место...

НОРА (*хлопая в ладоши*). Видишь, видишь!

ХЕЛЬМЕР. Вы явились как раз в удачную минуту, сударыня.

ФРУ ЛИННЕ. О, как мне вас благодарить!

ХЕЛЬМЕР. Не за что. (*Надевает пальто.*) Но сегодня вы уж извините меня...

РАНК. Погоди, и я с тобой. (*Приносит из передней свою шубу и греет ее перед печкой.*)

НОРА. Только не замешкайся, милый Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. С час, не больше.

НОРА. И ты уходишь, Кристина?

ФРУ ЛИННЕ (*надевая пальто*). Да, надо пойти приискать себе комнату.

ХЕЛЬМЕР. Так, может быть, выйдем вместе?

НОРА (*помогает фру Линне*). Какая досада, что у нас так тесно, нет никакой возможности...

ХЕЛЬМЕР. Что ты! Кто же об этом думает! Прощай, дорогая Нора, и спасибо тебе за все.

НОРА. Прощай пока. Вечером ты, само собой, опять придешь. И вы, доктор. Что? Если будете хорошо себя чувствовать? Ну, конечно, будете. Только закутайтесь хорошенько. Все выходят, прощаясь и болтая, в переднюю.

С лестницы доносятся детские голоса.

Это они! Они! (*Бежит и открывает наружную дверь.*)

Входит нянька Анна-Мария с детьми.

Входите! Входите! (*Наклоняется и целует детей.*) Ах вы, милые мои, славные! Погляди на них, Кристина! Ну не милашки ли?

РАНК. Болтать на сквозняке воспрещается!

ХЕЛЬМЕР. Идемте, фру Линне. Теперь тут впору оставаться одним мамашам.

Доктор Ранк, Хельмер и фру Линне уходят; Анна-Мария входит с детьми в комнату; Нора тоже входит в комнату, затворяя дверь в переднюю.

НОРА. Какие вы свеженькие и веселые. И какие румяньенькие щечки! Прямо словно яблочки, розанчики!.. Так весело было? А, это отлично. Да? Ты катал на салазках и Боба и Эмми? Обоих зараз? Подумай! Молодец мальчуган мой Ивар!.. Нет, дай ее поддержать, Анна-Мария! Дорогая моя, милая куколка! (*Берет у няньки младшую девочку и кружится с нею.*) Да, да, мама потанцует и с Бобом! Что? В снежки играли? Ах, жаль, что меня с вами не было... Нет, оставь, я сама их раздену, Анна-Мария. Дай, пожалуйста, мне самой, – это так весело. Там тебе кофе оставлен на печке. Нянька уходит в дверь налево.

Нора раздевает детей, разбрасывая куда попало их верхние вещи и продолжая болтать с ними.

Вот как? Большая собака гналась за вами? А не укусила?.. Нет, собаки не кусают таких славных, крохотных куколок... Ни-ни! Не заглядывать в свертки, Ивар! Что там?.. Да знали бы вы, что там! Нет, нет! Это бяка!.. Что? Играть хотите? Как же мы будем играть? В прятки? Ну, давайте в прятки. Первый пусть Боб спрячется... Ах, мне? Ну, хорошо, я первая.

Начинается игра, сопровождаемая смехом и весельем; прячутся и в этой комнате и в соседней направо. Наконец Нора

прячется под стол; дети шумно врываются в комнату, ищут мать, но не могут сразу ее найти, слышат ее заглушенный смех, бросаются к столу, поднимают скатерть и находят. Полный восторг. Нора высовывается, как бы желая испугать их. Новый взрыв восторга. Тем временем стучат во входную дверь. Никто этого не замечает. Тогда дверь из передней приотворяется и показывается Кругстад. Он выжидает с минуту. Игра продолжается.

КРУГСТАД. Извините, фру Хельмер...

НОРА (с легким криком оборачивается и полуприподнимается). А! Что вам?

КРУГСТАД. Извините. Входная дверь стояла непритворенной. Забыли, верно, закрыть.

НОРА (встав). Мужа нет дома, господин Кругстад.

КРУГСТАД. Знаю.

НОРА. Ну... так что же вам угодно?

КРУГСТАД. Поговорить с вами.

НОРА. Со... (Детям тихо.) Ступайте к Анне-Марии. Что? Нет, чужой дядя ничего худого не сделает маме. Когда он уйдет, мы поиграем еще. (Выводит детей в комнату налево и запирает за ними дверь. С беспокойством, напряженно.) Вы хотите поговорить со мной?

КРУГСТАД. Да, хочу.

НОРА. Сегодня?.. Но ведь у нас еще не первое число...

КРУГСТАД. Нет, у нас сочельник. И от вас самой зависит устроить себе веселые праздники.

НОРА. Что же вам нужно? Я совсем не могу сегодня...

КРУГСТАД. Об этом мы пока не будем говорить. О другом. У вас, верно, найдется свободная минута?

НОРА. Гм... да, конечно, найдется, хотя...

КРУГСТАД. Хорошо. Я сидел внизу в ресторане Ульсена и видел, как ваш муж прошел по улице...

НОРА. Да, да.

КРУГСТАД. С дамой.

НОРА. И что же?

КРУГСТАД. Позвольте спросить: это не фру Линне?

НОРА. Да.

КРУГСТАД. Только что приехала в город?

НОРА. Да, сегодня.

КРОГСТАД. Она ваша близкая подруга?

НОРА. Да. Но я не вижу...

КРОГСТАД. И я когда-то был с ней знаком.

НОРА. Знаю.

КРОГСТАД. Да? Так вы знаете? Я так и думал. Тогда позвольте мне спросить вас без обвиняков: фру Линне получит место в банке?

НОРА. Как вы осмеливаетесь выспрашивать меня, господин Кругстад, вы, подчиненный моего мужа? Но уж раз вы спросили, так знайте: да, фру Линне получит место. И это я похлопотала за нее, господин Кругстад. Вот вам!

КРОГСТАД. Значит, я не ошибся в расчетах.

НОРА (*ходит взад и вперед по комнате*). Я полагаю, нам можно все-таки иметь некоторое влияние. Из того, что родишься женщиной, вовсе не следует еще... И в положении подчиненного, господин Кругстад, вам, право, следовало бы остерегаться задевать, кто... гм...

КРОГСТАД. Кто имеет влияние?

НОРА. Именно!

КРОГСТАД (*меняя тон*). Фру Хельмер, не угодно ли будет вам пустить в ход свое влияние в мою пользу?

НОРА. Как так? Что вы хотите сказать?

КРОГСТАД. Не угодно ли вам озаботиться тем, чтобы я сохранил свое положение подчиненного в банке.

НОРА. Что это значит? Кто думает лишить вас его?

КРОГСТАД. О, вам незачем разыгрывать передо мной незнакомку. Я отлично понимаю, что подруге вашей не может быть приятно рисковать столкнуться со мной, и знаю тоже, кому я буду обязан изгнанием.

НОРА. Но уверяю вас...

КРОГСТАД. Да, да, да, одним словом, время еще не ушло, и я советую вам использовать ваше влияние, чтобы предупредить это.

НОРА. Но, господин Кругстад, у меня нет ровно никакого влияния!

КРОГСТАД. Никакого? Мне кажется, вы только что сами сказали...

НОРА. Разумеется, я не в таком смысле. Я?.. Как вы можете думать, что я имею какое-нибудь такое влияние на своего мужа?

КРОГСТАД. О, я знаю вашего мужа со студенческой скамьи. Не думаю, чтобы господин директор был тверже других мужей.

НОРА. Если вы будете отзываться о моем муже неуважительно, я укажу вам на дверь.

КРОГСТАД. Вы очень храбры, фру Хельмер.

НОРА. Я не боюсь вас больше. После Нового года я живо покончу со всем этим.

КРОГСТАД (*более сдержанно*). Слушайте, фру Хельмер. В случае необходимости я буду бороться не на жизнь, а на смерть из-за своей скромной должности в банке.

НОРА. На то и похоже, право.

КРОГСТАД. Не только из-за жалованья. О нем я меньше всего хлопочу. Но тут – другое... Ну, да на чистоту! Вот в чем дело. Вы, разумеется, так же хорошо, как и другие, знаете, что я однажды совершил необдуманый поступок.

НОРА. Кажется, что-то такое слыхала.

КРОГСТАД. Дело не дошло до суда, но все пути для меня точно закрылись с того времени. Тогда я взялся за те дела... вы знаете. Надо же было за что-нибудь ухватиться. И, смею сказать, я был не из худших в своем роде. Но теперь мне надо выкарабкаться из этого положения. У меня сыновья подрастают. Ради них мне надо восстановить свое прежнее положение в обществе – насколько это возможно. Место в банке было как бы первой ступенью. И вдруг теперь ваш муж сталкивает меня опять в яму.

НОРА. Но, боже мой, господин Кругстад, совсем не в моей власти помочь вам.

КРОГСТАД. Потому что вы не хотите, но у меня есть средство заставить вас.

НОРА. Не расскажете ли вы моему мужу, что я задолжала вам?

КРОГСТАД. Гм! А если бы рассказал?

НОРА. Это было бы бессовестно с вашей стороны. (*Со слезами в голосе.*) Как? Он узнает эту тайну – мою гордость и радость – таким грубым, пошлым образом – от вас? Вы хотите подвергнуть меня самым ужасным неприятностям!..

КРОГСТАД. Только неприятностям?

НОРА (*горячо*). Но попробуйте только, вам же самому будет хуже. Тогда мой муж наконец узнает, какой вы дурной человек, и вас ни за что не оставит в банке.

КРОГСТАД. Я спрашиваю, вы боитесь только домашних неприятностей?

НОРА. Если мой муж узнает, он, разумеется, сразу заплатит весь остаток, и нам с вами незачем будет знаться.

КРОГСТАД (*делая шаг к ней*). Слушайте, фру Хельмер, или у вас память коротка, или вы ничего не смыслите в делах. Видно, придется мне растолковать вам дело пообстоятельнее.

НОРА. Как так?

КРОГСТАД. Когда ваш муж был болен, вы явились ко мне занять тысячу двести специй.

НОРА. Я не знала, к кому больше обратиться.

КРОГСТАД. Я взялся достать вам эту сумму...

НОРА. И достали.

КРОГСТАД. Взаяся я достать вам ее на известных условиях. Вы были тогда так заняты болезнью вашего мужа, так озабочены, где бы достать денег на поездку, что, пожалуй, вам некогда было разбираться в подробностях. Так не лишне напомнить вам их. Да, я взялся достать вам деньги и составил для вас долговое обязательство.

НОРА. Ну да, которое я подписала.

КРОГСТАД. Хорошо. Но внизу я добавил несколько строк от имени вашего отца – его поручительство за вас. Эти строки должен был подписать ваш отец.

НОРА. Должен был?.. Он и подписал.

КРОГСТАД. Я оставил место для числа. То есть ваш отец сам должен был проставить день и число, когда подпишет бумагу. Помните вы это, сударыня?

НОРА. Кажется...

КРОГСТАД. Я передал вам долговое обязательство, чтобы вы переслали его по почте вашему отцу. Не так ли?

НОРА. Да.

КРОГСТАД. Вы, разумеется, сейчас же сделали это, так как дней через пять-шесть принесли мне вексель с подписью вашего отца. И сумма была вам вручена.

НОРА. Ну да, и разве я не аккуратно выплачивала?

КРОГСТАД. Ничего себе. Но... чтобы вернуться к предмету нашего разговора... Верно, тяжело вам приходилось тогда, фру Хельмер?

НОРА. Да.

КРОГСТАД. Отец ваш, кажется, был тяжело болен?

НОРА. При смерти.

КРОГСТАД. И вскоре умер?

НОРА. Да.

КРОГСТАД. Скажите мне, фру Хельмер, не помните ли вы случайно дня смерти вашего отца? То есть какого месяца и числа он умер?

НОРА. Папа умер двадцать девятого сентября.

КРОГСТАД. Совершенно верно; я осведомлялся. И вот тут-то и выходит странность... *(вынимает бумагу)*, которую я никак не могу

объяснить себе.

НОРА. Какая странность? Я не знаю...

КРОГСТАД. Такая странность, фру Хельмер, что отец ваш подписал этот вексель три дня спустя после своей смерти.

НОРА. Как так? Я не понимаю.

КРОГСТАД. Отец ваш умер двадцать девятого сентября. Но взгляните. Вот тут он пометил свою подпись вторым октября. Разве это не странность?

Нора молчит.

Можете вы объяснить мне ее?

Нора все молчит.

Примечательно еще вот что: слова «второе октября» и год написаны не почерком вашего отца, но другим, который мне кажется знакомым. Ну, это можно еще объяснить: ваш отец мог забыть проставить число и год под своей подписью, и кто-то другой сделал это наугад, не зная еще об его смерти. В этом нет еще ничего плохого. Главное дело в самой подписи. Она-то подлинная, фру Хельмер? Это действительно ваш отец подписался?

НОРА (*после короткой паузы откидывает голову назад и вызывающе смотрит на него*). Нет, не он. Это я подписалась за него.

КРОГСТАД. Слушайте, фру Хельмер... вы знаете, что это опасное признание?

НОРА. Почему? Вы скоро получите свои деньги сполна.

КРОГСТАД. Могу я спросить вас, почему вы не послали бумагу вашему отцу?

НОРА. Невозможно было. Он был тяжело болен. Если просить его подписи, надо было объяснить ему, на что мне понадобились деньги. А не могла же я написать ему, когда он сам был так болен, что и муж мой на краю могилы. Немыслимо было.

КРОГСТАД. Так вам бы лучше было отказаться от поездки за границу.

НОРА. И это было невозможно. От этой поездки зависело спасение моего мужа. Не могла я отказаться от нее.

КРОГСТАД. Но вы не подумали, что таким образом обманываете меня?..

НОРА. На это мне решительно нечего было обращать внимания. Я и думать о вас не хотела. Терпеть вас не могла за все ваши бессердечные придирки, которые вы делали, хотя и знали, в какой опасности мой муж.

КРОГСТАД. Фру Хельмер, вы, очевидно, не представляете себе ясно, в чем вы, в сущности, виноваты. Но я могу сказать вам вот что: то, в чем я попался и что сгубило все мое общественное положение, было ничуть не хуже, не страшнее этого.

НОРА. Вы? Вы хотите уверить меня, будто вы могли отважиться на что-нибудь такое, чтобы спасти жизнь вашей жены?

КРОГСТАД. Законы не справляются с побуждениями.

НОРА. Так плохие, значит, это законы.

КРОГСТАД. Плохие или нет, но если я представлю эту бумагу в суд, вас осудят по законам.

НОРА. Ни за что не поверю. Чтобы дочь не имела права избавить умирающего старика-отца от тревог и огорчения? Чтобы жена не имела права спасти жизнь своему мужу? Я не знаю точно законов, но уверена, что где-нибудь в них да должно быть это разрешено. А вы, юрист, не знаете этого! Вы, верно, плохой законник, господин Кругстад!

КРОГСТАД. Пусть так. Но в делах... в таких, какие завязались у нас с вами, вы, конечно, допускаете, что я кое-что смыслю? Так вот. Делайте, что хотите. Но вот что я говорю вам: если меня вышвырнут еще раз, вы составите мне компанию. *(Кланяется и уходит через переднюю.)*

НОРА *(после минутного раздумья, закидывая голову)*. Э, что там! Запугать меня хотел! Не так-то я проста. *(Принимается прибирать детские вещи, но скоро бросает.)* Но... Нет, этого все-таки не может быть! Я же сделала это из любви.

ДЕТИ *(в дверях налево)*. Мама, чужой дядя вышел из ворот.

НОРА. Да, да, знаю. Только никому не говорите о чужом дяде. Слышите? Даже папе!

ДЕТИ. Да, да, мама, но ты поиграешь с нами еще?

НОРА. Нет, нет, не сейчас.

ДЕТИ. Ах, мама, ты же обещала!

НОРА. Да, но мне нельзя теперь. Подите к себе, у меня столько дел. Подите, подите, мои дорогие детки! *(Ласково выпроваживает их из комнаты и затворяет за ними дверь. Потом садится на диван, берется за вышиванье, но, сделав несколько стежков, останавливается.)* Нет! *(Бросает работу, встает, идет к дверям в переднюю и зовет.)* Элене!

Давай сюда елку! *(Идет к столу налево и открывает ящик стола, снова отстраняется.)* Нет, это же прямо немыслимо!

СЛУЖАНКА *(с елкой)*. Куда поставить, барыня?

НОРА. Туда. Посредине комнаты.

СЛУЖАНКА. Еще что-нибудь подать?

НОРА. Нет, спасибо, у меня все под рукой.

Служанка, поставив елку, уходит.

(Принимаясь украшать елку.) Сюда вот свечки, сюда цветы... Отвратительный человек... Вздор, вздор, вздор! Ничего такого не может быть! Елка будет восхитительная. Я все сделаю, как ты любишь, Торвальд... Буду петь тебе, танцевать...

Из передней входит Хельмер с кипой бумаг под мышкой.

Ах!.. Уже вернулся?

ХЕЛЬМЕР. Да. Заходил кто-нибудь?

НОРА. Заходил?.. Нет.

ХЕЛЬМЕР. Странно. Я видел, как Кругстад вышел из ворот.

НОРА. Да?.. Ах да, правда, Кругстад, он заходил сюда на минуту.

ХЕЛЬМЕР. Нора, я по твоему лицу вижу, он приходил просить, чтобы ты замолвила за него слово.

НОРА. Да.

ХЕЛЬМЕР. И вдобавок, как бы сама от себя? Скрыв от меня, что он был здесь? Не просил ли он и об этом?

НОРА. Да, Торвальд, но...

ХЕЛЬМЕР. Нора, Нора, и ты могла пойти на это? Сговариваться с таким человеком, обещать ему что-нибудь! Да еще вдобавок говорить мне неправду!

НОРА. Неправду?

ХЕЛЬМЕР. Ты разве не сказала, что никто не заходил? *(Грозит пальцем.)* Чтобы этого не было больше, певунья-пташка. У певчей пташки горлышко должно быть всегда чисто, ни единого фальшивого звука! *(Обнимает ее за талию.)* Не так ли? Да, я так и знал. *(Выпускает ее.)* Ах,

как у нас тепло, уютно. *(Перелистывает бумаги.)*

НОРА *(занятая украшением елки, после короткой паузы)*. Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Что?

НОРА. Я ужасно рада, что послезавтра костюмированный вечер у Стенборгов.

ХЕЛЬМЕР. А мне ужасно любопытно, чем-то ты удивишь на этот раз.

НОРА. Ах, эта глупая затея!

ХЕЛЬМЕР. Ну?

НОРА. Я никак не могу придумать ничего подходящего. Все у меня выходит как-то глупо, бессодержательно.

ХЕЛЬМЕР. Неужели малютка Нора пришла к такому заключению?

НОРА *(заходя сзади и опираясь локтями о спинку его кресла)*. Ты очень занят, Торвальд?

ХЕЛЬМЕР. Гм!

НОРА. Что это за бумаги?

ХЕЛЬМЕР. Банковские дела.

НОРА. Уже?

ХЕЛЬМЕР. Я добился от прежнего правления полномочий на необходимые изменения в личном составе служащих и в плане работ. На это и уйдет у меня рождественская неделя. Хочу, чтобы к Новому году все уже было налажено.

НОРА. Так вот почему этот бедняга Кругстад...

ХЕЛЬМЕР. Гм!

НОРА *(по-прежнему опираясь локтями на спинку кресла, тихонько перебирает пальцами волосы мужа)*. Не будь ты так занят, я бы попросила тебя об одном огромном одолжении, Торвальд.

ХЕЛЬМЕР. Послушаем. О чем же?

НОРА. Ни у кого ведь нет такого вкуса, как у тебя. А мне бы так хотелось быть хорошенькой на этом костюмированном вечере. Торвальд, нельзя ли тебе заняться мной, решить, чем мне быть и как одеться?

ХЕЛЬМЕР. Ага, маленькая упрямецка ищет спасителя?

НОРА. Да, Торвальд, мне не справиться без тебя.

ХЕЛЬМЕР. Ладно, ладно. Подумаем и, верно, сумеем помочь горю.

НОРА. Ах, как мило с твоей стороны! *(Снова отходит к елке, пауза.)* А как красиво выделяются красные цветы. Но скажи мне, то, в чем этот Кругстад провинился, – это правда очень дурно?

ХЕЛЬМЕР. Он провинился в подлоге. Ты имеешь представление о том, что это такое?

НОРА. Не из нужды ли он это сделал?

ХЕЛЬМЕР. Да, или, как многие, по легкомыслию. И я не так бессердечен, чтобы бесповоротно осудить человека за один такой поступок.

НОРА. Да, не правда ли, Торвальд?

ХЕЛЬМЕР. Иной павший может вновь подняться нравственно, если откровенно признается в своей вине и понесет наказание.

НОРА. Наказание?

ХЕЛЬМЕР. Но Кругстад не пошел этой дорогой. Он вывернулся всякими правдами и неправдами, и это погубило его нравственно.

НОРА. По-твоему, надо было...

ХЕЛЬМЕР. Ты представь себе только, как человеку с таким пятном на совести приходится лгать, изворачиваться, притворяться перед всеми, носить маску, даже перед своими близкими, даже перед женой и собственными детьми. И вот насчет детей – это всего хуже, Нора.

НОРА. Почему?

ХЕЛЬМЕР. Потому что отравленная ложью атмосфера заражает, разлагает всю домашнюю жизнь. Дети с каждым глотком воздуха воспринимают зародыши зла.

НОРА (*приближаясь к нему сзади*). Ты уверен в этом?

ХЕЛЬМЕР. Ах, милая, я достаточно в этом убеждался в течение своей адвокатской практики. Почти все рано сбившиеся с пути люди имели лживых матерей.

НОРА. Почему именно матерей?

ХЕЛЬМЕР. Чаще всего это берет свое начало от матери. Но и отцы, разумеется, влияют в том же духе. Это хорошо известно всякому адвокату. А этот Кругстад целые годы отравлял своих детей ложью и лицемерием, вот почему я и называю его нравственно испорченным. (*Протягивая к ней руки*.) Поэтому пусть моя милочка Нора обещает мне не просить за него. Дай руку, что обещаешь. Ну-ну, что это? Давай руку. Вот так. Значит, уговор. Уверяю тебя, мне просто невозможно было бы работать вместе с ним; я испытываю прямо физическое отвращение к таким людям.

НОРА (*высвобождает свою руку и переходит на другую сторону елки*). Как здесь жарко. А у меня столько хлопот...

ХЕЛЬМЕР (*встает и собирает бумаги*). Да, мне тоже надо немножко позаняться до обеда вот этим. И костюмом твоим займись. И повесить кое-что на елку в золотой бумажке у меня, пожалуй, найдется. (*Кладет ей руки на голову*.) Ах ты, моя бесценная певунья-пташка! (*Уходит в кабинет и закрывает за собой дверь*.)

НОРА (*помолчав, тихо*). Э, что там! Не будет этого. Это невозможно. Должно быть невозможно.

АННА-МАРИЯ(*в дверях налево*). Детки так умильно просят к мамаше.

НОРА. Нет, нет, нет! Не пускай их ко мне! Побудь с ними, Анна-Мария.

АННА-МАРИЯ. Ну хорошо, хорошо. (*Затворяет дверь.*)

НОРА (*бледнея от ужаса*). Испортить моих малюток!.. Отравить семью! (*После короткой паузы, закидывая голову.*) Это неправда. Не может быть правдой, никогда, во веки веков!

Действие второе

Та же комната. В углу, возле пианино, стоит обобранная, обтрепанная, с обгоревшими свечами елка. На диване манто и шляпа Нора. Нора одна в волнении бродит по комнате, наконец останавливается у дивана и берет свое манто.

НОРА (*выпуская из рук манто*). Идет кто-то! (*Подходит к дверям, прислушивается*.) Нет... никого. Разумеется, никто сегодня не придет, – первый день рождества... И завтра тоже. Но, может быть... (*Отворяет дверь и выглядывает*.) Нет, в ящике для писем ничего нет, совершенно пуст. (*Возвращается назад*.) Э, глупости! Разумеется, он ничего такого на самом деле не сделает. Ничего такого быть не может. Это невозможно. У меня трое маленьких детей.

АННА-МАРИЯ (*выходит из дверей налево, неся большую картонку*). Насилу отыскала эту картонку с маскарадными платьями.

НОРА. Спасибо, поставь на стол.

АННА-МАРИЯ (*ставит*). Только они, верно, бог знает в каком беспорядке.

НОРА. Ах, разорвать бы их в клочки!

АННА-МАРИЯ. Ну вот! Их можно починить. Только терпения немножко.

НОРА. Так я пойду попрошу фру Линне помочь мне.

АННА-МАРИЯ. Опять со двора? В такую-то погоду? Фру Нора простудится... захворает.

НОРА. Это еще не так страшно... Что дети?

АННА-МАРИЯ. Играют новыми игрушками, бедняжечки. Только...

НОРА. Часто обо мне спрашивают?

АННА-МАРИЯ. Привыкли ведь быть около мамы.

НОРА. Да, видишь, Анна-Мария, мне теперь нельзя будет так много бывать с ними, как прежде.

АННА-МАРИЯ. Ну, малыши ко всему привыкают.

НОРА. Ты думаешь? По-твоему, они забыли бы мать, если бы ее не стало?

АННА-МАРИЯ. Господи помилуй! Не стало!

НОРА. Слушай, Анна-Мария... я часто думаю... как это у тебя хватило духу отдать своего ребенка чужим?

АННА-МАРИЯ. Пришлось; как же было иначе, коли я поступила кормилицей к малютке Норе?

НОРА. Но как же ты захотела пойти в кормилицы?

АННА-МАРИЯ. На такое-то хорошее место? Бедной девушке в такой беде радоваться надо было. Тот дурной человек ведь так-таки ничем и не помог мне.

НОРА. Но твоя дочь, верно, забыла тебя?

АННА-МАРИЯ. Ну зачем же? Писала мне, и когда конфирмовалась и когда замуж выходила.

НОРА *(обвивая ее шею руками)*. Старушка моя, ты была мне хорошей матерью, когда я была маленькой.

АННА-МАРИЯ. У бедняжечки Норы не было ведь другой, кроме меня.

НОРА. И не будь у моих малюток другой, я знаю, ты бы... Вздор, вздор, вздор! *(Открывает картонку.)* Пойди к ним. Мне теперь надо... Завтра увидишь, какой я буду красавицей.

АННА-МАРИЯ. Верно, на всем балу никого краше не будет. *(Уходит налево.)*

НОРА *(принимается опоражнивать картонку, но скоро бросает все)*. Ах, только бы решиться выйти. Только бы никто не зашел. Только бы тут не случилось без меня ничего. Глупости. Никто не придет. Только не думать. Не думать об этом... Надо почистить муфту. Чудные перчатки, дивные перчатки... Не надо думать, не надо! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... *(Вскрикивает.)* А! Идут! *(Хочет кинуться к дверям, но останавливается в нерешительности.)*

Из передней входит фру Линне, уже без верхнего платья. Ах, это ты, Кристина!

И больше там никого нет?.. Как хорошо, что ты пришла.

ФРУ ЛИННЕ. Мне сказали, ты заходила ко мне, спрашивала меня.

НОРА. Да, я как раз проходила мимо. Мне так нужна твоя помощь. Сядем сюда, на диван. Видишь, завтра вечером у верхних жильцов, у консула Стенборга, костюмированный вечер, и Торвальд хочет, чтобы я была неаполитанской рыбачкой и сплясала тарантеллу. Я выучилась на

Капри.

ФРУ ЛИННЕ. Вот что? Так ты дашь целое представление?

НОРА. Торвальд говорит, что надо. Так вот костюм. Торвальд заказал его мне еще там. Но теперь все пооборвалось, и я просто не знаю...

ФРУ ЛИННЕ. Ну, это мы живо поправим. Только отделка местами пооторвалась немножко. Иголки, нитки?.. А, тут все, что нужно.

НОРА. Как это мило с твоей стороны.

ФРУ ЛИННЕ (*шьет*). Так ты завтра будешь костюмироваться, Нора? Знаешь, я зайду на минутку взглянуть на тебя разодетой. Но я совсем позабыла поблагодарить тебя за вчерашний приятный вечер.

НОРА (*встает и ходит по комнате*). Ну, вчера, по-моему, было вовсе не так мило, как обычно. Тебе бы приехать к нам в город пораньше, Кристина. Да, Торвальд большой мастер устраивать все изящно и красиво.

ФРУ ЛИННЕ. И ты не меньше, я думаю. Недаром ты дочь своего отца. Но скажи, доктор Ранк всегда такой пришибленный, как вчера?

НОРА. Нет, вчера он как-то особенно... Впрочем, он ведь страдает очень серьезной болезнью. У бедняги сухотка спинного мозга. Надо тебе сказать, отец у него был отвратительный человек, держал любовниц и все такое. Вот сын и уродился таким хворым, понимаешь?

ФРУ ЛИННЕ (*опуская работу на колени*). Но, милочка Нора, откуда ты набралась таких познаний?

НОРА (*прохаживаясь по комнате*). Э!.. Раз у тебя трое детей, значит, тебя иногда навещают такие... такие дамы, которые кое-что смыслят и в медицине. Ну, иной раз и расскажут кое о чем.

Фру Линне снова шьет; короткая пауза.

ФРУ ЛИННЕ. Доктор Ранк каждый день бывает у вас?

НОРА. Каждый божий день. Он ведь лучший друг Торвальда с юных лет и мой хороший друг. Он совсем как свой у нас.

ФРУ ЛИННЕ. Но скажи ты мне: он человек вполне прямой? То есть не из таких, которые любят говорить людям приятные вещи?

НОРА. Напротив. С чего ты это взяла?

ФРУ ЛИННЕ. Вчера, когда ты нас познакомила, он уверял, что часто слышал мое имя здесь в доме. А потом я заметила, что муж твой не имел даже понятия обо мне. Как же мог доктор Ранк?..

НОРА. Да, это совершенно верно, Кристина. Торвальд так безгранично

меня любит, что не хочет ни с кем делиться мною... как он говорит. В первое время он прямо-таки ревновал меня, стоило мне только заговорить о своих милых близких, о родных местах. Ну, я, понятно, и перестала. Но с доктором Ранком я часто разговариваю обо всем таком. Он, видишь ли, любит слушать.

ФРУ ЛИННЕ. Послушай, Нора, ты во многом еще ребенок. Я постарше тебя, поопытнее. И вот что я тебе скажу: тебе бы надо постараться выпутаться из этой истории – с доктором Ранком.

НОРА. Из какой такой истории мне надо постараться выпутаться?

ФРУ ЛИННЕ. Из всех этих историй вообще. Вчера ты тут болтала что-то о богатом поклоннике, который завещает тебе деньги.

НОРА. Да, только нет такого, к сожалению!.. Ну, и что же?

ФРУ ЛИННЕ. Доктор Ранк человек состоятельный?

НОРА. Да, состоятельный.

ФРУ ЛИННЕ. И у него нет никого, о ком бы он должен был заботиться?

НОРА. Никого. Но...

ФРУ ЛИННЕ. И он каждый день бывает здесь в доме?

НОРА. Ну да, ты же это уже слышала.

ФРУ ЛИННЕ. Как же это воспитанный человек может быть настолько неделикатен?

НОРА. Я тебя положительно не понимаю.

ФРУ ЛИННЕ. Не представляйся, Нора. Ты думаешь, я не догадываюсь, кто одолжил тебе те тысячу двести специй?

НОРА. Да ты в уме? Как тебе в голову могло прийти? Наш друг, который ежедневно бывает у нас! Ведь это было бы невыносимо мучительное положение!

ФРУ ЛИННЕ. Значит, не он?

НОРА. Уверяю же тебя. Мне и на ум прийти не могло ни на минуту!.. Да и где бы он тогда взял денег раздавать займы? Он получил наследство уже позже.

ФРУ ЛИННЕ. Ну, это, пожалуй, счастье твое, дорогая Нора.

НОРА. Нет, мне бы и в голову никогда не пришло просить у доктора Ранка... Впрочем, я вполне уверена, попроси я только у него...

ФРУ ЛИННЕ. Но ты, разумеется, этого не сделаешь.

НОРА. Нет, естественно. Я как-то и представить себе этого не могу. Но я вполне уверена, что поговори я с доктором Ранком...

ФРУ ЛИННЕ. За спиной мужа?

НОРА. Мне все-таки надо покончить то дело. Тоже за его спиной. Надо

покончить.

ФРУ ЛИННЕ. Да, да, и я тебе вчера говорила, но...

НОРА (*ходит взад и вперед*). Мужчине куда легче разделаться в таких случаях, чем женщине... Ф р у Л и н н е. Если это ее собственный муж – да.

НОРА. Пустяки. (*Останавливаясь*.) Раз уплачиваешь весь долг сполна, то ведь получаешь долговое обязательство обратно?

ФРУ ЛИННЕ. Само собой понятно.

НОРА. И можно разорвать его в мелкие клочки, сжечь эту противную, грязную бумажонку?

ФРУ ЛИННЕ (*смотрит на Нору в упор, откладывает работу в сторону и медленно встает*). Нора, ты что-то скрываешь от меня.

НОРА. Разве это заметно?

ФРУ ЛИННЕ. С тобой что-то случилось со вчерашнего утра, Нора, в чем дело?

НОРА (*идя к ней*). Кристина! (*Прислушивается*.) Гсс! Торвальд вернулся. Слушай, поди пока к детям. Торвальд не любит, чтобы при нем возились с шитьем. Пусть Анна-Мария поможет тебе.

ФРУ ЛИННЕ (*собирает часть вещей*). Да, да, но я не уйду от вас, пока мы не поговорим на чистоту. (*Уходит налево*.)

В ту же минуту из передней входит Хельмер.

НОРА (*идет к нему навстречу*). Ах, я жду не дождусь тебя, милый Торвальд.

ХЕЛЬМЕР. Это швея, что ли?

НОРА. Нет, это Кристина. Она помогает мне поправить костюм. Увидишь, какой эффект я произведу.

ХЕЛЬМЕР. Да, разве я не удачно придумал?

НОРА. Восхитительно! Но разве я тоже не умница, что слушаю тебя?

ХЕЛЬМЕР (*берет ее за подбородок*). Умница – потому что слушаешься мужа? Ах ты, плутовка! Я знаю, ты не то хотела сказать. Но я не буду тебе мешать. Тебе, верно, надо примерять.

НОРА. А ты, верно, за работу?

ХЕЛЬМЕР. Да. (*Показывая кипу бумаг*.) Вот. Я заходил в банк. (*Хочет уйти к себе*.)

НОРА. Торвальд...

ХЕЛЬМЕР (*останавливаясь*). Что?

НОРА. А если твоя белочка хорошенько попросит тебя об одной вещи?..

ХЕЛЬМЕР. Ну и что же?

НОРА. Ты бы сделал?

ХЕЛЬМЕР. Сначала, естественно, надо знать – что именно.

НОРА. Белка так бы разыгралась, расшалилась, позабавила бы тебя, если бы ты был так мил, послушался!

ХЕЛЬМЕР. Так говори же.

НОРА. Жаворонок заливался бы по всему дому, на все лады.

ХЕЛЬМЕР. Ну, он и так не молчит.

НОРА. Я изобразила бы тебе сильфиду, танец при лунном свете, Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Нора... надеюсь, это не насчет вчерашнего опять?

НОРА (*ближе к нему*). Да, Торвальд! Я прошу, умоляю тебя!

ХЕЛЬМЕР. И у тебя в самом деле хватает духу опять поднимать этот вопрос?

НОРА. Да, да, ты должен послушаться меня, должен оставить за Кругстадом его место в банке!

ХЕЛЬМЕР. Но ведь, милая Нора, я решил взять на его место фру Линне.

НОРА. Это страшно мило с твоей стороны, но ты можешь отказать кому-нибудь другому из конторщиков вместо Кругстада.

ХЕЛЬМЕР. Нет, это просто невероятное упрямство! Из-за того, что ты тут надавала необдуманных обещаний похлопотать за него, я обязан!..

НОРА. Не из-за того, Торвальд. Ради тебя самого. Этот человек пишет ведь в самых гадких газетах, – ты сам говорил. Он может ужасно повредить тебе. Я смертельно боюсь его.

ХЕЛЬМЕР. Ага, понимаю. Ты вспоминаешь старину и пугаешься.

НОРА. Что ты имеешь в виду?..

ХЕЛЬМЕР. Ты, разумеется, вспоминаешь своего отца.

НОРА. Да, ну да. Вспомни только, что злые люди писали о папе, как жестоко клеветали на него. Право, они добились бы его отставки, не пошли министерство ревизором тебя и не отнесись ты к папе с таким участием и доброжелательством.

ХЕЛЬМЕР. Милочка Нора, между твоим отцом и мной существенная разница. Отец твой не был безукоризненным чиновником. А я именно таков и таким, надеюсь, останусь, пока буду занимать свой пост.

НОРА. Ах, никто не знает, что могут придумать злые люди! И теперь

как раз мы могли бы зажить так хорошо, спокойно, счастливо, мирно, без забот – ты, и я, и дети, Торвальд! Вот отчего я и прошу тебя так...

ХЕЛЬМЕР. Да как раз, заступаясь за него, ты и лишаешь меня возможности оставить его. В банке уже известно, что я решил уволить Кругстада. Так надо, чтобы теперь пошли разговоры, что новый директор меняет свои решения под влиянием жены...

НОРА. А если бы и так? Что из этого?

ХЕЛЬМЕР. Ну конечно, лишь бы упрямец добилась своего! Мне поставить себя в смешное положение перед всеми служащими?.. Дать людям повод толковать, что мною управляют всякие посторонние влияния? Поверь, я бы скоро испытал на себе последствия! И кроме того... есть обстоятельство, в силу которого совершенно невозможно оставить Кругстада в банке, пока я там директор.

НОРА. Какое обстоятельство?

ХЕЛЬМЕР. На его нравственные недочеты я бы еще мог в случае крайности посмотреть сквозь пальцы...

НОРА. Не правда ли, Торвальд?

ХЕЛЬМЕР. И, говорят, он довольно дельный работник. Но вот что: мы с ним знакомы с юности. Это одно из тех поспешных юношеских знакомств, из-за которых человек потом часто попадает в неловкое положение. Да, я не скрою от тебя: мы с ним даже на «ты». И он настолько бестактен, что и не думает скрывать этого при других. Напротив, он полагает, что это дает ему право быть фамильярным, он то и дело козыряет своим «ты», «ты, Хельмер». Уверяю тебя, это меня в высшей степени корбит. Он в состоянии сделать мое положение в банке прямо невыносимым.

НОРА. Торвальд, ты все это говоришь не серьезно.

ХЕЛЬМЕР. Как так?

НОРА. Ну да, потому что все это такие мелочные соображения.

ХЕЛЬМЕР. Что такое ты говоришь? Мелочные? По-твоему, я мелочный человек?

НОРА. Нет, напротив, милый Торвальд. И вот потому-то...

ХЕЛЬМЕР. Все равно. Ты называешь мои побуждения мелочными, так, видно, и я таков. Мелочен! Вот как!.. Ну, надо положить всему этому конец. *(Идет к дверям в переднюю и зовет.)* Элене!

НОРА. Что ты хочешь?

ХЕЛЬМЕР *(роясь в бумагах)*. Положить конец. *(Вошедшей служанке.)* Вот возьмите это письмо и сейчас же отправляйтесь. Найдите посыльного, и пусть он его доставит. Только живо. Адрес написан. Вот деньги.

С л у ж а н к а. Хорошо. *(Уходит с письмом.)*

ХЕЛЬМЕР *(собирая бумаги)*. Так-то, госпожа упрямица!

НОРА *(затаив дыхание)*. Торвальд, что это было за письмо?

ХЕЛЬМЕР. Увольнение Кругстада.

НОРА. Верни, верни назад, Торвальд! Еще не поздно, Торвальд, верни! Ради меня, ради себя самого, ради детей. Слышишь, Торвальд, верни. Ты не знаешь, как это может отозваться на нас всех.

ХЕЛЬМЕР. Поздно.

НОРА. Да, поздно.

ХЕЛЬМЕР. Милая Нора, я извиняю тебе этот страх, хотя, в сущности, он обиден для меня. Да, да! Или, по-твоему, мне не обидно твое предположение, будто я могу опасаться мести какого-то сбившегося с пути крючкотвора? Но я все-таки тебя извиняю, потому что это так мило рисует твою горячую любовь ко мне. *(Привлекает ее к себе.)* Так-то, моя милая, дорогая Нора. И затем пусть будет, что будет. Коли на то пойдет, поверь, у меня хватит и мужества и сил. Увидишь, я такой человек, который все может взять на себя.

НОРА *(пораженная ужасом)*. Что ты хочешь сказать?

ХЕЛЬМЕР. Все, говорю я...

НОРА *(овладевая собой)*. Никогда я тебе не позволю.

ХЕЛЬМЕР. Хорошо. Так поделимся с тобой, Нора... как муж и жена. Так, как и быть надлежит. *(Лаская ее.)* Довольна теперь? Ну-ну-ну! Не надо таких испуганных голубиных глазок. Ведь это все же одни фантазии. А теперь ты бы проиграла тарантеллу и поупражнялась с тамбурином. Я пойду к себе и закрою все двери, так что ничего не услышу. Можешь шуметь, сколько хочешь. *(Оборачиваясь в дверях.)* Да, если Ранк придет, скажи ему, где я. *(Кивая ей, уходит к себе и запирает за собой дверь.)*

НОРА *(растерянная, испуганная, стоит как вкопанная и шепчет)*. С него станется. Он так и сделает. Сделает – во что бы то ни стало... Нет, никогда в жизни, ни за что! Нельзя допустить этого! Скорее все другое! Спасенье!.. Выход!..

Звонок в передней.

Доктор Ранк!.. Скорее все другое! Скорее все другое – что бы то ни было. *(Проводит руками по лицу и, сделав над собой усилие, идет и открывает дверь в переднюю.)*

Доктор Ранк снимает с себя шубу в передней и вешает ее. В течение следующей сцены начинает смеркаться.

Здравствуйте, доктор Ранк. Я вас по звонку узнала. Но вы теперь не ходите к Торвальду, он, кажется, занят.

РАНК. А вы? *(Входит в комнату.)*

НОРА *(затворяет дверь в прихожую)*. О, вы знаете – для вас у меня всегда найдется свободная минутка.

РАНК. Спасибо. Буду пользоваться этим, пока можно.

НОРА. Что вы этим хотите сказать? Пока можно?..

РАНК. Вот именно. Это вас пугает?

НОРА. Вы так странно это сказали. Что же такое могло бы случиться?

РАНК. То, чего я давно ожидал. Но, правда, я не думал, что это будет так скоро.

НОРА *(хватает его за руку)*. Что такое вы узнали? Доктор, скажите же мне.

РАНК *(сядась у печки)*. Плохо дело. Качусь под гору. Ничего не поделаешь.

НОРА *(переводя дух)*. Так вы о себе?..

РАНК. А то о ком же? Нечего лгать себе самому. Я самый жалкий из всех моих пациентов, фру Хельмер. На этих днях я произвел генеральную ревизию своего внутреннего состояния. Банкрот. Не пройдет, пожалуй, и месяца, как я буду гнить на кладбище.

НОРА. Фу, как вы гадко выражаетесь.

РАНК. Само дело из рук вон гадко. Но хуже всего, что еще до того будет много гадкого, безобразного. Теперь мне остается лишь единственное исследование. Покончу с ним и буду знать приблизительно, когда начнется разложение. И вот что я вам скажу. Хельмер со своею утонченною натурою питает непреодолимое отвращение ко всякому безобразию. Я не допущу его к своему одру...

НОРА. Но, доктор Ранк...

РАНК. Не допущу. никоим образом. Запру для него двери... Как только я совершенно уверюсь в наступлении худшего, я пошлю вам свою визитную карточку с черным крестом. Знайте тогда, что мерзость разрушения началась.

НОРА. Нет, вы сегодня просто несносны. А мне-то так хотелось, чтобы

вы сегодня были в особенно хорошем настроении.

РАНК. Со смертью за плечами?.. И так расплачиваться за чужие грехи?! Где тут справедливость? И в каждой семье так или иначе сказывается подобное же неумолимое возмездие.

НОРА (*зажимая уши*). Вздор! Веселее, веселее!

РАНК. Да, честное слово, только и остается смеяться надо всем этим. Моему бедному неповинному спинному мозгу приходится расплачиваться за веселые деньки офицерской жизни моего отца!

НОРА (*у стола налево*). Он был очень падок на спаржу и страсбургские паштеты? Да?

РАНК. Да, и на трюфели.

НОРА. Да, да, и на трюфели. И на устрицы, кажется?

РАНК. Да, и на устрицы, устрицы само собой.

НОРА. И на всякие там портвейны да шампанское. Обидно, что все эти вкусные вещи непременно отзываются на спинном хребте.

РАНК. Ив особенности обидно, что они отзываются на злополучном хребте того, кто и не вкусил ни капельки от этих благ!

НОРА. Да, это всего обиднее.

РАНК (*пытливо глядя на нее*). Гм!..

НОРА (*немного погодя*). Вы чему улыбнулись?

РАНК. Нет, это вы усмехнулись.

НОРА. Нет, вы улыбнулись, доктор!

РАНК (*вставая*). А вы еще лукавее, чем я думал.

НОРА. Меня сегодня так и подмывает выкинуть что-нибудь такое...

РАНК. Заметно.

НОРА (*кладет обе руки ему на плечи*). Милый, милый доктор Ранк, не покидайте нас с Торвальдом.

РАНК. Ну, с этой потерей вы легко примиритесь. С глаз долой – и из сердца вон.

НОРА (*испуганно смотрит на него*). Вы думаете?

РАНК. Заведутся новые связи, и...

НОРА. У кого заведутся новые связи?

РАНК. И у вас, и у Хельмера, когда меня не станет. Да вы уже на пути к этому, кажется. На что понадобилась вам вчера вечером эта фру Линне?

НОРА. Ай-ай, да уж не ревнуете ли вы меня к бедняжке Кристине?

РАНК. Ну да. Она станет моей заместительницей здесь в доме. Когда мне придется отсутствовать, эта женщина, пожалуй...

НОРА. Тсс! Не так громко. Она там.

РАНК. И сегодня? Вот видите!

НОРА. Она пришла только помочь мне починить мой костюм. Господи, какой вы несносный. *(Садится на диван.)* Ну, будьте же умницей, доктор Ранк. Завтра вы увидите, как чудно я буду плясать, и можете воображать себе, что это я для вас одного, – ну, конечно, и для Торвальда, само собой. *(Вынимает из картонки разные вещи.)* Доктор Ранк, садитесь тут. Я вам покажу что-то.

РАНК *(садится)*. Что такое?

НОРА. Вот! Смотрите!

РАНК. Шелковые чулки.

НОРА. Телесного цвета. Разве не прелесть? Да, теперь темно, но завтра... Нет, нет, нет, вы увидите только до подъема. Впрочем, вам можно показать и повыше.

РАНК. Гм!..

НОРА. Что вы так критически смотрите? По-вашему, пожалуй, они не впору?

РАНК. Об этом судить не берусь за отсутствием сколько-нибудь обоснованного мнения.

НОРА *(глядит на него с минуту)*. Фу, как вам не стыдно! *(Слегка ударяет его по уху чулками.)* Вот вам за это. *(Снова убирает вещи.)*

РАНК. А какие же еще сокровища предстояло мне увидеть?

НОРА. Ни крошечки больше не увидите. Вы несносный. *(Напевая, роется в вещах.)*

РАНК *(после короткого молчания)*. Сидя с вами вот так, запросто, я не понимаю... не постигаю... что случилось бы со мной, если бы я не бывал в вашем доме.

НОРА *(улыбаясь)*. Да, мне кажется, вы, в сущности, чувствуете себя у нас совсем недурно.

РАНК *(тише, глядя в пространство)*. И волей-неволей покинуть все это...

НОРА. Глупости! Не покинете.

РАНК *(по-прежнему)*. Уйти, не оставив даже сколько-нибудь благодарного воспоминания, хотя бы даже мимолетного сожаления... ничего, кроме пустого места, которое может быть занято первым встречным.

НОРА. А если бы я теперь обратилась к вам с просьбой? Нет...

РАНК. О чем?

НОРА. О большом доказательстве вашей дружбы...

РАНК. Ну-ну?

НОРА. Нет, видите, я хочу сказать – об огромном одолжении.

РАНК. Неужели вы в самом деле хоть раз доставили бы мне такое счастье?

НОРА. Ах, вы не знаете, в чем дело.

РАНК. Так скажите.

НОРА. Нет, не могу, доктор. Это уж слишком огромное одолжение – тут и совет, и помощь, и услуга...

РАНК. Чем больше, тем лучше. Но я не постигаю, что бы это могло быть. Говорите же! Разве я не пользуюсь вашим доверием?

НОРА. Как никто другой. Вы мой вернейший, лучший друг – я знаю, знаю. Оттого и хочу сказать вам. Ну, хорошо, доктор. Вы должны помочь мне предотвратить что-то. Вы знаете, как искренне, как бесконечно любит меня Торвальд. Он ни на минуту не задумался бы отдать за меня жизнь.

РАНК (*наклоняясь к ней*). Нора, вы думаете, он один-единственный?..

НОРА (*слегка вздрогнув*). Один...

РАНК. ...кто с радостью отдал бы свою жизнь за вас?

НОРА (*удрученно*). Ну вот...

РАНК. Я дал себе клятву, что вы узнаете об этом прежде, чем меня не станет. Более удобного случая мне не дожидаться. Да, Нора, теперь вы знаете. И знаете тоже, что мне вы можете довериться скорее, чем кому бы то ни было.

НОРА (*встает, спокойным, ровным тоном*). Пропустите меня.

РАНК (*давая ей пройти, а сам продолжая сидеть*). Нора...

НОРА (*в дверях передней*). Элене, принеси лампу. (*Идет к печке.*) Ах, милый доктор Ранк, это было, право, нехорошо с вашей стороны.

РАНК (*вставая*). Что я любил вас так же искренне, как другой? Это так дурно?

НОРА. Нет, но что вы говорите мне об этом. И ведь вовсе не нужно было.

РАНК. То есть? Или вы знали?.. Служанка входит с лампой, ставит ее на стол и уходит. Нора... фру Хельмер... я спрашиваю, вы знали что-нибудь?

НОРА. Ах, почему я знаю, что знала, чего не знала? Я, право, не могу сказать вам... И как это вас угораздило, доктор! Все было так хорошо.

РАНК. По крайней мере вы теперь можете быть уверены, что я весь в вашем распоряжении и душой и телом. Так говорите...

НОРА (*глядит на него*). После этого?

РАНК. Прошу вас, дайте же мне узнать, в чем дело.

НОРА. Ничего вы теперь не узнаете.

РАНК. Нет, нет. Не наказывайте меня так. Дайте мне сделать для вас

все, что только в силах человеческих.

НОРА. Теперь вы ничего не можете сделать для меня. Впрочем, мне, пожалуй, и не надо никакой помощи. Увидите, что все это одни фантазии. Разумеется. Конечно. *(Садится на качалку, смотрит на него и улыбается.)* Да, скажу я вам, хороши вы! Вам не стыдно теперь, при лампе?

РАНК. Нет, собственно говоря. Но, пожалуй, мне сразу надо удалиться... навсегда?

НОРА. Совсем не надо. Естественно, вы будете приходить по-прежнему. Вы же знаете, Торвальд не может обойтись без вас.

РАНК. А вы?

НОРА. Ну, и мне всегда ужасно весело с вами, когда вы к нам приходите.

РАНК. Вот это-то и сбивало меня с толку. Вы для меня загадка. Не раз мне казалось, что вам почти так же приятно мое общество, как и общество Хельмера.

НОРА. Видите, некоторых людей любишь больше всего на свете, а с другими как-то больше всего хочется бывать.

РАНК. Пожалуй, в этом есть доля правды.

НОРА. Дома у себя я, разумеется, больше всех любила папу. Но мне всегда ужасно нравилось украдкой пробираться в комнату к прислуге. Там не поучали меня ни чуточку и там всегда велись такие веселые разговоры.

РАНК. Ага, так вот кого я заменял вам.

НОРА *(вскакивая и подбегая к нему)*. Ах, милый, славный доктор Ранк, я совсем не то имела в виду. Но вы понимаете, что и с Торвальдом, как и с папой...

СЛУЖАНКА *(входит из передней)*. Барыня... *(Шепчет что-то и подает карточку.)*

НОРА *(бросая взгляд на карточку)*. А! *(Сует ее в карман.)*

РАНК. Какая-нибудь неприятность?

НОРА. Нет, нет, нисколько. Это просто... новый костюм мне...

РАНК. Как? Да ведь вот он лежит.

НОРА. Ах, это не тот. То другой. Я заказала... Но Торвальду не надо знать...

РАНК. Ага, вот она, великая тайна!

НОРА. Именно. Подите к нему. Он у себя. Задержите его пока.

РАНК. Будьте спокойны. Он от меня не уйдет. *(Уходит в кабинет.)*

НОРА *(служанке)*. Так он ждет в кухне?

СЛУЖАНКА. Да, пришел с черного хода.

НОРА. Да ты разве не сказала ему, что тут посторонние?

СЛУЖАНКА. Говорила, да не помогло.

НОРА. Так он не хочет уходить?

СЛУЖАНКА. Не хочет, пока не поговорит с барыней.

НОРА. Так проведи его сюда, только тихонько, Элене. И никому не говори об этом. Это будет сюрприз мужу.

СЛУЖАНКА. Да, да, понимаю, понимаю... *(Уходит.)*

НОРА. Беда идет... Идет все-таки. Нет, нет, нет! Не будет этого, не может быть! *(Идет и запирает дверь в кабинет на задвижку.)*

Служанка открывает дверь из передней, пропускает в комнату Кругстада и затворяет за ним дверь. Он в дорожной шубе высоких сапогах и меховой шапке.

НОРА *(идя к нему навстречу)*. Говорите потише – муж дома.

КРОГСТАД. И пусть его.

НОРА. Что вам нужно от меня?

КРОГСТАД. Узнать кое о чем.

НОРА. Так скорее. Что такое?

КРОГСТАД. Вам, конечно, известно, что меня уволили.

НОРА. Я не могла помешать этому, господин Кругстад. Я до последней крайности отстаивала вас, но все напрасно.

КРОГСТАД. Значит, ваш муж так мало любит вас? Знает, что я могу навлечь на вас, и все-таки отваживается?..

НОРА. Как вы можете думать, что он знает об этом?

КРОГСТАД. Нет, я, в сущности, и не думал. Не в характере моего милого Торвальда Хельмера было бы выказать столько мужества...

НОРА. Господин Кругстад, я требую уважения к моему мужу.

КРОГСТАД. Помилуйте, я с должным уважением. Но раз вы держите это дело под таким страшным секретом, я смею предполагать, что вы теперь лучше, нежели вчера, понимаете, что, собственно, вы совершили.

НОРА. Лучше, чем вы могли бы когда-нибудь объяснить мне.

КРОГСТАД. Еще бы, такой плохой законник, как я!..

НОРА. Что же вам нужно от меня?

КРОГСТАД. Я пришел только взглянуть, как у вас обстоят дела, фру Хельмер. Я весь день о вас думал. Ростовщик, крючкотвор, ну, словом, такой, как я, тоже, видите ли, не лишен того, что называется сердцем.

НОРА. Так и докажите это. Подумайте о моих маленьких детях.

КРОГСТАД. А вы с вашим мужем подумали о моих? Ну, да теперь все равно. Я хотел только сказать вам, что вам нет нужды слишком принимать к сердцу это дело. На первых порах я не стану возбуждать против вас судебного преследования.

НОРА. Не правда ли? О, я знала, знала.

КРОГСТАД. Все можно еще покончить миром. Незачем вмешивать сюда людей. Дело останется между нами троими.

НОРА. Муж мой никогда ничего не должен знать об этом.

КРОГСТАД. Как же вы помешаете этому? Или вы можете уплатить все сполна?

НОРА. Нет, сейчас, сразу – не могу.

КРОГСТАД. Или, быть может, у вас в виду какая-нибудь другая комбинация – вы достанете денег на днях?

НОРА. Никакой такой комбинации, которую бы я могла воспользоваться.

КРОГСТАД. Да она и не помогла бы вам все равно. Выложи вы мне хоть сейчас чистоганом какую угодно сумму – вам не получить от меня обратно вашей расписки.

НОРА. Так объясните же, что вы хотите с ней сделать.

КРОГСТАД. Только оставить ее у себя... сохранить. Никто посторонний и знать ничего не будет. Поэтому если бы вы теперь пришли к какому-нибудь отчаянному решению...

НОРА. Именно.

КРОГСТАД. Если бы задумали бросить дом и семью...

НОРА. Именно!

КРОГСТАД. Или додумались бы кое до чего еще похуже...

НОРА. Откуда вы знаете?

КРОГСТАД. Так оставьте эти затеи.

НОРА. Откуда вы знаете, что я додумалась до этого?

КРОГСТАД. Большинство из нас думает об этом – вначале. И я тоже в свое время... Да духу не хватило...

НОРА (*упавшим голосом*). И у меня.

КРОГСТАД (*вздыхнув с облегчением*). Да, не так ли? И у вас, значит, тоже? Не хватает?

НОРА. Не хватает, не хватает.

КРОГСТАД. Оно и глупо было бы. Стоит только первой домашней буре пройти... У меня в кармане письмо к вашему мужу...

НОРА. И там все сказано?

КРОГСТАД. В самых мягких выражениях. Насколько возможно.

НОРА (*быстро*). Это письмо не должно дойти до мужа. Разорвите его. Я найду все-таки выход, добуду денег.

КРОГСТАД. Извините, сударыня, я, кажется, только что сказал вам...

НОРА. О, я не говорю о своем долге вам. Скажите мне, сколько вы хотите потребовать с мужа, и я добуду вам сама эти деньги.

КРОГСТАД. Я никаких денег не возьму с вашего мужа.

НОРА. Чего же вы требуете?

КРОГСТАД. Сейчас узнаете. Я хочу стать на ноги, сударыня, хочу подняться, и ваш муж должен помочь мне. В течение полутора лет я ни в чем таком бесчестном не был замечен, и все это время я бился, как рыба об лед, но был доволен, что могу своим трудом подняться опять – мало-помалу. Теперь меня выгнали, и я уж не удовлетворюсь тем, что меня попросту примут обратно – из милости. Я хочу подняться, говорю я вам. Хочу, чтобы меня приняли на службу в банк с повышением. Вашему мужу придется создать для меня особую должность...

НОРА. Никогда он этого не сделает!

КРОГСТАД. Сделает. Я его знаю. Он пикнуть не посмеет. А раз только я сяду там рядом с ним, – увидите: не пройдет и года – я буду правой рукой директора. Нильс Крогстад, а не Торвальд Хельмер будет править банком.

НОРА. Никогда вы этого не дождетесь!

КРОГСТАД. Может быть, вы...

НОРА. Теперь у меня хватит духу.

КРОГСТАД. Меня не испугаете. Такая нежная, избалованная дамочка, как вы...

НОРА. Увидите! Увидите!

КРОГСТАД. Под лед, может быть? В ледяную, черную глубину. А весной всплыть обезображенной, неузнаваемой, с вылезшими волосами...

НОРА. Вы меня не запугаете.

КРОГСТАД. А вы меня. Таких вещей не делают, фру Хельмер. Да и к чему бы это послужило? Он ведь все-таки будет у меня в руках.

НОРА. И после того? Когда меня уже...

КРОГСТАД. Вы забываете, что тогда я буду властен над вашей памятью. Нора, онемев, смотрит на него. Теперь вы предупреждены. Так не делайте никаких глупостей. Когда Хельмер получит мое письмо, я буду ждать от него весточки. И помните, ваш муж сам вынудил меня снова вступить на такой путь. Этого я никогда ему не прощу. До свидания, фру Хельмер. (*Уходит через переднюю.*)

НОРА (*идет к двери в переднюю, приотворяет ее и прислушивается*). Уходит. Не отдает письма. О нет, нет, это ведь было бы невозможно!

Невозможно! *(Открывает дверь все больше и больше.)* Что это? Он стоит за дверями. Не спускается вниз. Раздумывает? Неужели он...

Слышно, как письмо падает в ящик, затем слышны шаги Кругстада, спускающегося с лестницы; постепенно шаги замирают вниз. Нора с подавленным криком бежит назад в комнату к столу перед диваном. Короткая пауза.

Письмо!... В ящике! *(Робко крадется опять к дверям передней.)* Лежит там... Торвальд, Торвальд... теперь нам нет спасения!

ФРУ ЛИННЕ *(выходит с костюмом в руках из комнаты налево)*. Ну, больше уж я не знаю, что тут исправлять. Не примерить ли?

НОРА *(тихо и хрипло)*. Кристина, поди сюда.

ФРУ ЛИННЕ *(бросая платье на диван)*. Что с тобой? Ты сама не своя.

НОРА. Поди сюда. Видишь письмо? Там. Гляди сквозь стекло, в ящике для писем.

ФРУ ЛИННЕ. Ну-ну, вижу, вижу.

НОРА. От Кругстада...

ФРУ ЛИННЕ. Нора... ты заняла те деньги у Кругстада?

НОРА. Да. И теперь Торвальд все узнает.

ФРУ ЛИННЕ. Поверь мне, Нора, так будет всего лучше для вас обоих.

НОРА. Ты еще не все знаешь. Я подделала подпись...

ФРУ ЛИННЕ. Но, ради бога...

НОРА. Я хочу просить тебя лишь об одном, Кристина, чтобы ты была свидетельницей.

ФРУ ЛИННЕ. Какой свидетельницей? В чем?

НОРА. Если бы я потеряла рассудок, – а это легко может случиться...

ФРУ ЛИННЕ. Нора!

НОРА. Или если бы со мной случилось что-нибудь другое – такое, что помешало бы мне быть здесь...

ФРУ ЛИННЕ. Нора, Нора, ты себя не помнишь!

НОРА. Так если бы кто вздумал взять вину на себя, – ты понимаешь?..

ФРУ ЛИННЕ. Да, да, но как тебе в голову...

НОРА. Ты засвидетельствуешь, что это неправда, Кристина. Я вовсе еще не рехнулась. Я в полном разуме. И говорю тебе: никто другой ничего не знал об этом. Я одна все сделала. Помни!

ФРУ ЛИННЕ. Да, да. Но я все-таки не понимаю...

НОРА. Где же тебе понимать? Теперь готовится чудо.

ФРУ ЛИННЕ. Чудо?

НОРА. Да, чудо. Но оно ужасно, Кристина, не надо его ни за что на свете!

ФРУ ЛИННЕ. Я сейчас же пойду поговорю с Кругстадом.

НОРА. Не ходи к нему. Он тебя обидит.

ФРУ ЛИННЕ. Было время, когда он готов был сделать для меня все, что угодно.

НОРА. Он?

ФРУ ЛИННЕ. Где он живет?

НОРА. Почему я знаю?.. Ах, да! *(Вынимает из кармана карточку.)* Вот его карточка. Но письмо, письмо!..

ХЕЛЬМЕР *(из кабинета, стуча в дверь)*. Нора!

НОРА *(вскрикивает в страхе)*. А! Что такое? Что тебе?

ХЕЛЬМЕР. Ну, ну, не пугайся же так. Мы не войдем. Ты ведь заперла дверь. Примеряешь, что ли?

НОРА. Да, да, примеряю. Ах, я буду такая хорошенькая, Торвальд.

ФРУ ЛИННЕ *(прочитав надпись на карточке)*. Он живет тут близехонько, за углом.

НОРА. Да. Но ничего из этого не выйдет. Нам нет спасения. Письмо ведь в ящике.

ФРУ ЛИННЕ. А ключ у мужа?

НОРА. Всегда.

ФРУ ЛИННЕ. Пусть Кругстад потребует свое письмо обратно нераспечатанным... Пусть найдет предлог...

НОРА. Но как раз в это время Торвальд всегда...

ФРУ ЛИННЕ. Задержи его. Побудь с ним пока. Я вернусь как можно скорее. *(Быстро уходит через переднюю.)*

НОРА *(идет к дверям кабинета, открывает и заглядывает в комнату)*. Торвальд!

ХЕЛЬМЕР *(из другой комнаты)*. Ну, впустят ли наконец человека в его собственную гостиную? Идем, Ранк, посмотрим. *(В дверях.)* Но что же это значит?

НОРА. Что такое, милый?

ХЕЛЬМЕР. Я ожидал, со слов Ранка, великолепной сцены с переодеванием...

РАНК *(в дверях)*. Я так понял, но, видно, ошибся.

НОРА. Никто не увидит меня во всем блеске до завтрашнего вечера.

ХЕЛЬМЕР. Но, милая Нора, ты какая-то измученная.

Зарепетировалась?

НОРА. Совсем еще не репетировала.

ХЕЛЬМЕР. Однако это необходимо...

НОРА. Совершенно необходимо, Торвальд. Но я ничего не могу поделать без тебя. Я все позабыла.

ХЕЛЬМЕР. Ну, мы живо освежим это в памяти.

НОРА. Да, уж ты непременно займись со мной, Торвальд. Обещаешь? Ах, я так боюсь. Такое большое общество... Пожертвуй мне весь нынешний вечер. Чтобы ни единого дела – пера в руки не брать! А? Так ведь, милый?

ХЕЛЬМЕР. Обещаю. Весь вечер всецело буду к твоим услугам, бедное мое, беспомощное созданыще... Гм! Да... Сначала только... *(Идет к дверям в переднюю.)*

НОРА. Зачем тебе туда?

ХЕЛЬМЕР. Только взглянуть, нет ли писем.

НОРА. Нет, нет, не надо, Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Что еще?

НОРА. Торвальд! Я прошу тебя! Там нет ничего.

ХЕЛЬМЕР. Дай же взглянуть! *(Хочет идти.)*

Нора бросается к пианино и начинает играть тарантеллу.

(Останавливается у двери.) Ага!

НОРА. Я не могу плясать завтра, если не прорепетирую с тобой.

ХЕЛЬМЕР *(идет к ней)*. В самом деле ты так трусишь, милочка?

НОРА. Страшно. Давай репетировать сейчас же. Время еще есть до ужина. Садись и играй мне, милый. Показывай, учи меня, как всегда!

ХЕЛЬМЕР. С удовольствием, с удовольствием, раз ты так желаешь. *(Садится за пианино.)*

НОРА *(выхватывает из картонки тамбурин и длинный пестрый шарф, наскоро драпируется им, затем одним прыжком становится посреди комнаты и кричит)*. Играй же! Я танцую!

Хельмер играет, а Нора пляшет, доктор Ранк стоит позади Хельмера и смотрит.

ХЕЛЬМЕР (*играя*). Медленнее, медленнее...

НОРА. Не могу иначе.

ХЕЛЬМЕР. Не так бурно, милочка!

НОРА. Именно! Так и надо!

ХЕЛЬМЕР (*обрывая*). Нет, нет, это совсем не годится.

НОРА (*смеясь и потрясая тамбурином*). Ну не говорила ли я тебе?

РАНК. Дайте, я сяду играть.

ХЕЛЬМЕР (*встает*). Хорошо, мне так удобнее будет указывать ей.

Ранк садится за пианино и играет. Нора пляшет со все возрастающим жаром. Хельмер, встав у печки, беспрестанно делает Норе указания и замечания, но она как будто не слышит, волосы у нее распустились и падают по плечам, она не обращает на это внимания, продолжая пляску. Входит фру Линне.

ФРУ ЛИННЕ (*останавливается как вкопанная у дверей*). А!

НОРА (*продолжает плясать*). Видишь, какое у нас тут веселье, Кристина!

ХЕЛЬМЕР. Но, милая, дорогая Нора! Ты пляшешь так, точно дело идет о жизни!

НОРА. Так и есть.

ХЕЛЬМЕР. Ранк, перестань. Это просто безумие. Перестань, говорю я! Ранк перестает играть, а Нора разом останавливается. (*Норе.*) Вот чему бы никогда не поверил – ты решительно перезабыла все, чему я тебя учил.

НОРА (*бросая тамбурин*). Сам видишь.

ХЕЛЬМЕР. Да, придется подучиться.

НОРА. Вот видишь, как необходимо заняться со мной. Ты будешь учить меня до последней минуты. Обещаешь, Торвальд?

ХЕЛЬМЕР. Будь спокойна.

НОРА. Ни сегодня, ни завтра чтобы у тебя и мысли другой в голове не было, только обо мне. И писем не вскрывать сегодня... не открывать ящик...

ХЕЛЬМЕР. Ага! Все боишься того человека?

НОРА. Да, да, и это тоже.

ХЕЛЬМЕР. Нора, я вижу по твоему лицу, там есть уже письмо от него. Н о р а. Не знаю. Кажется. Но ты не смей читать ничего такого теперь. Не

надо нам никаких неприятностей, пока все не будет кончено.

РАНК (*тихо Хельмеру*). Не противоречь ей.

ХЕЛЬМЕР (*обнимая ее*). Ну хорошо, дитя добилось своего. Но завтра ночью после твоей пляски...

НОРА. Тогда ты свободен.

СЛУЖАНКА (*в дверях направо*). Барыня, стол накрыт.

НОРА. Подай шампанского, Элене.

СЛУЖАНКА. Хорошо. (*Уходит.*)

ХЕЛЬМЕР. Эге-ге, так пир горой?

НОРА. Пировать до зари. (*Кричит вслед служанке.*) И немножко миндальных печений, Элене... Нет, побольше!.. Один раз куда ни шло.

ХЕЛЬМЕР (*беря ее за руки*). Ну-ну-ну, не надо этой дикой пугливости. Будь моим милым жаворонком, как всегда.

НОРА. Да, да, буду, буду. Но поди пока туда. И вы, доктор. Кристина, помоги мне поправить волосы.

РАНК (*тихо, направляясь с Хельмером направо*). Ведь не может же быть, чтобы тут было что-нибудь такое?.. Она не в положении?..

ХЕЛЬМЕР. Ничего подобного, милый мой. Просто все тот же ребяческий страх, о котором я говорил тебе. Уходят направо.

НОРА (*фру Линне*). Ну?

ФРУ ЛИННЕ. Уехал за город.

НОРА. Я догадалась по твоему лицу.

ФРУ ЛИННЕ. Вернется домой завтра вечером. Я оставила ему записку.

НОРА. Не надо было. Ничему ты не помешаешь. И, в сущности, такой восторг – ждать с минуты на минуту чуда.

ФРУ ЛИННЕ. Чего ты ждешь?

НОРА. Ах, тебе не понять. Ступай к ним. Я сию минуту.

Фру Линне идет направо. Нора стоит с минуту, словно стараясь прийти в себя, затем смотрит на часы.

Пять. Семь часов до полуночи. И затем двадцать четыре часа до полуночи. Тогда тарантелла будет кончена. Двадцать четыре да семь. Тридцать один час жизни.

ХЕЛЬМЕР (*в дверях направо*). Ну, где же мой жаворонок?

НОРА (*бросаясь к нему с распростертыми объятиями*). Вот он, жаворонок!..

Действие третье

Та же комната. Стол, стоявший перед диваном, передвинут на середину комнаты, вместе со стульями. На столе горит лампа. Дверь в переднюю открыта. Из верхнего этажа доносятся звуки бальной музыки. Фру Линне сидит у стола, машинально перелистывая книгу, пытается читать, но, видимо, не в состоянии собрать мысли. Время от времени прислушивается, не идет ли кто.

ФРУ ЛИННЕ *(глядя на свои часы)*. Его все еще нет. А между тем времени теперь в обрез. Лишь бы он не... *(Опять прислушивается.)* А! Идет! *(Направляется в переднюю и осторожно отпирает наружную дверь; на лестнице слышны тихие шаги; она шепчет.)* Войдите. Никого нет.

КРОГСТАД *(в дверях)*. Я нашел дома вашу записку. Что это значит?

ФРУ ЛИННЕ. Мне необходимо поговорить с вами.

КРОГСТАД. Вот как? И непременно здесь, в этом доме?

ФРУ ЛИННЕ. У меня никак нельзя было. Моя комната не имеет отдельного хода. Войдите. Мы одни. Служанка спит, а Хельмеры наверху на вечере.

КРОГСТАД *(входит в комнату)*. Скажите! Хельмеры пляшут сегодня? В самом деле?

ФРУ ЛИННЕ. Почему же нет?

КРОГСТАД. Н-да, действительно.

ФРУ ЛИННЕ. Так вот, Кругстад, давайте поговорим.

КРОГСТАД. Разве нам с вами есть о чем говорить еще?

ФРУ ЛИННЕ. Да, много о чем.

КРОГСТАД. Не думал.

ФРУ ЛИННЕ. Потому что никогда не понимали меня как следует.

КРОГСТАД. Чего тут было не понимать? На что уж проще! Бессердечная женщина спроваживает человека на все четыре стороны, как только ей представляется партия повыгоднее.

ФРУ ЛИННЕ. Вы думаете, я все-таки совсем бессердечна? Вы

думаете, мне легко было порвать?

КРОГСТАД. А разве нет?

ФРУ ЛИННЕ. Кругстад, неужели вы в самом деле так думали?

КРОГСТАД. Иначе зачем бы вам писать мне тогда такое письмо?

ФРУ ЛИННЕ. Да не могла я иначе! Раз мне приходилось порвать с вами, мой долг был вырвать из вашего сердца всякое чувство ко мне.

КРОГСТАД (*стиснув руки*). Так вот что. И все это – лишь из-за денег!

ФРУ ЛИННЕ. Не забудьте, у меня на руках были старуха мать и двое малолетних братьев. Мы не могли дожидаться вас, Кругстад. Ваши виды на будущее были тогда еще так неопределенны.

КРОГСТАД. Пусть так. Но вы не вправе были бросать меня ради кого бы то ни было.

ФРУ ЛИННЕ. Уж не знаю. Не раз я задавала себе этот вопрос – вправе ли я была.

КРОГСТАД (*понижив голос*). Когда я потерял вас, у меня как будто почва выскользнула из-под ног. Взгляните на меня: я похож на потерпевшего крушение, выплывшего на обломке судна.

ФРУ ЛИННЕ. За помощью, пожалуй, недалеко было идти.

КРОГСТАД. Она была близка. Но вы явились и загородили мне дорогу.

ФРУ ЛИННЕ. Сама того не зная, Кругстад. Я только сегодня узнала, что меня определяют на ваше место.

КРОГСТАД. Я верю вам, раз вы это говорите. Но теперь вы разве не уступите?

ФРУ ЛИННЕ. Нет. Это все равно не принесло бы вам никакой пользы.

КРОГСТАД. Э, пользы, пользы!.. Я бы на вашем месте все-таки сделал так.

ФРУ ЛИННЕ. Я научилась слушаться голоса рассудка. Жизнь и суровая, горькая нужда выучили меня.

КРОГСТАД. А меня жизнь выучила не верить словам.

ФРУ ЛИННЕ. Так жизнь выучила вас весьма разумной вещи. Ну, а делам вы ведь все-таки верите?

КРОГСТАД. То есть как это?

ФРУ ЛИННЕ. Вы сказали, что похожи на потерпевшего крушение, который выплыл на обломке.

КРОГСТАД. И, думается мне, имел основание сказать это.

ФРУ ЛИННЕ. И я тоже вроде женщины, потерпевшей крушение и выплывшей на обломке. Некого жалеть, не о ком заботиться!

КРОГСТАД. Сами выбрали себе долю.

ФРУ ЛИННЕ. Другого выбора у меня тогда не было.

КРОГСТАД. Ну и что же дальше?

ФРУ ЛИННЕ. Кругстад, а что если бы мы двое потерпевших крушение подали друг другу руки?

КРОГСТАД. Что такое вы говорите?

ФРУ ЛИННЕ. Вдвоем, вместе на обломках будет все-таки крепче, надежнее, чем держаться порознь, каждому отдельно.

КРОГСТАД. Кристина!

ФРУ ЛИННЕ. Зачем, по-вашему, я приехала сюда?

КРОГСТАД. Неужто вы вспомнили обо мне?

ФРУ ЛИННЕ. Без работы, без труда мне не прожить. Всю свою жизнь, насколько помню себя, я трудилась, и труд был моей лучшей и единственной отрадой. Но теперь я осталась одна как перст... Страшно пусто, одиноко... Работать для себя одной мало радости. Кругстад, дайте мне цель – для чего и для кого работать.

КРОГСТАД. Не поверю я ничему такому. Это все одна женская восторженность, великодушная потребность жертвовать собой.

ФРУ ЛИННЕ. Вы замечали за мной когда-нибудь склонность к восторженности?

КРОГСТАД. Так вы в самом деле могли бы?.. Скажите мне... Вам все известно... о моем прошлом?

ФРУ ЛИННЕ. Да.

КРОГСТАД. И вы знаете, какая про меня идет слава?

ФРУ ЛИННЕ. Я поняла из ваших слов, что, по-вашему, со мной вы могли бы стать иным человеком.

КРОГСТАД. Конечно!

ФРУ ЛИННЕ. Так разве время ушло?

КРОГСТАД. Кристина... вы говорите вполне серьезно? Да, да. Я вижу по вашему лицу. Так у вас в самом деле хватит смелости?..

ФРУ ЛИННЕ. Мне надо кого-нибудь любить, о ком-нибудь заботиться, заменять кому-нибудь мать, а вашим детям нужна мать. Мы с вами нужны друг другу. Кругстад, я верю, что основа у вас хорошая; и с вами вместе я на все готова.

КРОГСТАД (*схватив ее руки*). Спасибо, спасибо, Кристина! Теперь уж я сумею подняться в глазах других... Ах, да я и забыл...

ФРУ ЛИННЕ (*прислушивается*). Тсс! Тарантелла! Уходите.

КРОГСТАД. Почему? В чем дело?

ФРУ ЛИННЕ. Слышите, наверху пляшут тарантеллу? Когда она будет кончена, они явятся сюда.

КРОГСТАД. Да, да, так я уйду. Да и к тому же все напрасно. Вы, разумеется, не знаете, на какой шаг я решился против Хельмеров.

ФРУ ЛИННЕ. Знаю, Крогстад.

КРОГСТАД. И все-таки у вас хватило бы духу?..

ФРУ ЛИННЕ. Я хорошо понимаю, до чего может довести отчаяние такого человека, как вы.

КРОГСТАД. Ах, если бы я мог вернуть сделанное!

ФРУ ЛИННЕ. Вы могли бы. Ваше письмо лежит еще в ящике.

КРОГСТАД. Вы уверены?

ФРУ ЛИННЕ. Вполне. Но...

КРОГСТАД (*пытливо глядит на нее*). Так не приходится ли так понять дело? Вы хотите во что бы то ни стало спасти подругу. Скажите напрямик. Так?

ФРУ ЛИННЕ. Крогстад! Кто раз продал себя из-за других, не сделает этого во второй раз.

КРОГСТАД. Я потребую свое письмо обратно.

ФРУ ЛИННЕ. Нет, нет.

КРОГСТАД. Естественно. Я дождусь Хельмера и скажу ему, чтобы он вернул мне мое письмо, что оно касается одного меня, моей отставки, что ему незачем его читать.

ФРУ ЛИННЕ. Нет, Крогстад, не требуйте своего письма обратно.

КРОГСТАД. Но скажите, разве не за этим, собственно, вы призвали меня сюда?

ФРУ ЛИННЕ. Да, в первую минуту, со страху. Но теперь прошли целые сутки, и просто не верится, чего только я за это время не насмотрелась здесь в доме. Пусть Хельмер все узнает. Пусть эта злополучная тайна выйдет на свет божий. Пусть они наконец объяснятся между собой на чистоту. Невозможно, чтобы это так продолжалось – эти вечные тайны, увертки.

КРОГСТАД. Ну хорошо, раз вы на это решаетесь... Но одно я, во всяком случае, могу сделать, и надо сделать это сейчас же...

ФРУ ЛИННЕ (*прислушиваясь*). Скорее! Уходите! Пляска кончена. Нас могут застать с минуты на минуту.

КРОГСТАД. Я дождусь вас внизу.

ФРУ ЛИННЕ. Хорошо. Потом проводите меня до дому.

КРОГСТАД. За всю мою жизнь я ни разу не был так невероятно счастлив! (*Уходит.*)

Дверь в переднюю остается по-прежнему открытой.

ФРУ ЛИННЕ (*немного прибирает на столе и готовится свою верхнюю одежду*). Какой поворот! Какой поворот! Будет для кого работать... для кого жить... куда внести свет и тепло. Да, придется-таки приналечь. Скорее бы приходили... (*Прислушивается.*) А, вот они. Скорей одеться. (*Надевает шляпу и манто.*)

За сценой слышны голоса Хельмера и Норы; слышно, как повертывается ключ в замке, и затем Хельмер почти силой вводит Нору в переднюю. Она в неаполитанском костюме и закутана в большую черную шаль. Он во фраке и в наброшенном сверху открытом черном домино.

НОРА (*еще в дверях, сопротивляясь*). Нет, нет, нет! Не хочу сюда! Хочу опять наверх. Не хочу уходить так рано.

ХЕЛЬМЕР. Но, милочка Нора...

НОРА. Ну, я прошу тебя, умоляю, Торвальд... Ну, пожалуйста... еще хоть часочек!

ХЕЛЬМЕР. Ни минутки больше, моя дорогая. Ты помнишь уговор? Вот так. Сюда. Ты еще простудишься тут в передней. (*Бережно ведет жену, несмотря на ее сопротивление, в комнату.*)

ФРУ ЛИННЕ. Добрый вечер!

НОРА. Кристина!

ХЕЛЬМЕР. Как, фру Линне, вы здесь, в такой поздний час?

ФРУ ЛИННЕ. Да, извините, мне так хотелось взглянуть на костюм Норы.

НОРА. Так ты все сидела и ждала меня?

ФРУ ЛИННЕ. Да, я, к сожалению, опоздала, ты была уже наверху, ну, мне и не хотелось уходить, не поглядев на тебя.

ХЕЛЬМЕР (*снимая шаль с Норы*). Ну, глядите же на нее хорошенько. Право, стоит посмотреть. Чем не хороша, фру Линне?

ФРУ ЛИННЕ. Да, признаюсь...

ХЕЛЬМЕР. Разве не дивно хороша? Там все в один голос признали это. Но она ужасная упрямец, эта милая крошка. Что поделаете? Представьте себе, мне чуть не силой пришлось увести ее оттуда.

НОРА. Ах, Торвальд, ты еще расквесишься, что не дал мне повеселиться еще хоть полчаса.

ХЕЛЬМЕР. Слышите, фру Линне! Она пляшет тарантеллу... производит фурор... вполне заслуженный... хотя исполнение было, пожалуй, чересчур безыскусственно-то есть более натурально, нежели это, строго говоря, желательно с точки зрения искусства. Ну да пусть! Главное – она произвела фурор, огромный фурор. И дать ей остаться после этого? Ослабить впечатление? Нет, спасибо. Я подхватил мою прелестную капричианку, – капризную капричианку, можно бы сказать, – под ручку, марш-маршем по зале, общий поклон, и – как говорится в романах – прекрасное видение скрылось. Конец всегда должен быть эффектен, фру Линне. Но где мне втолковать это Норе? Никак. Фу, какая здесь жара! *(Сбрасывает домино и открывает дверь в кабинет.)* Э! Да там темно. Ну да, конечно. Извините... *(Уходит к себе и зажигает там свечи.)*

НОРА *(быстрым шепотом, задыхаясь)*. Ну, ну?

ФРУ ЛИННЕ *(тихо)*. Я говорила с ним.

НОРА. И что же?

ФРУ ЛИННЕ. Нора... ты должна все сказать мужу.

НОРА *(упавшим голосом)*. Я знала.

ФРУ ЛИННЕ. Тебе нечего опасаться со стороны Кругстада. Но ты должна все сказать.

НОРА. Я не скажу.

ФРУ ЛИННЕ. Так письмо скажет.

НОРА. Спасибо, Кристина. Я знаю, что теперь делать. Тсс!

ХЕЛЬМЕР *(входит)*. Ну, фру Линне, налюбовались ею?

ФРУ ЛИННЕ. Да, да, и теперь прощусь.

ХЕЛЬМЕР. Уже? А эта ваша работа, вязанье?

ФРУ ЛИННЕ *(берет работу)*. Да, благодарю. Чуть было не забыла.

ХЕЛЬМЕР. Так вы и вяжете?

ФРУ ЛИННЕ. Случается.

ХЕЛЬМЕР. Знаете, вы бы лучше вышивали.

ФРУ ЛИННЕ. Вот как? Почему?

ХЕЛЬМЕР. Да это куда красивее. Видите: держат работу вот так, левой рукой, а правой делают стежки... вот так... легкими, свободными взмахами... Не правда ли?

ФРУ ЛИННЕ. Да, пожалуй...

ХЕЛЬМЕР. Вязанье, напротив, не может выходить красиво; всегда как-то неуклюже. Взгляните: эти стиснутые руки... эти спицы... то вверх, то вниз... какая-то китайщина... А-а, какое великолепное шампанское там

подавали!

ФРУ ЛИННЕ. Так прощай, Нора, и не упряйся больше.

ХЕЛЬМЕР. Отлично сказано, фру Линне!

ФРУ ЛИННЕ. Спокойной ночи, господин директор.

ХЕЛЬМЕР (*проводя ее до дверей*). Спокойной ночи, спокойной ночи. Надеюсь, благополучно доберетесь до дому. Я бы с удовольствием... но ведь вам недалеко. Спокойной ночи, спокойной ночи. Фру Линне уходит, он запирает за нею дверь и возвращается. Наконец-то спровадили ее. Ужасно скучная особа.

НОРА. Ты очень устал, Торвальд?

ХЕЛЬМЕР. Нет, ничуть.

НОРА. И спать не хочешь?

ХЕЛЬМЕР. Совсем нет. Напротив, я необычайно оживлен. А ты? Да, у тебя порядком усталый и сонный вид.

НОРА. Да, я очень устала. И скоро усну.

ХЕЛЬМЕР. Вот видишь! Значит, я хорошо сделал, что мы не остались дольше.

НОРА. Ах, ты все хорошо делаешь.

ХЕЛЬМЕР (*целуя ее в лоб*). Ну вот, жаворонок заговорил по-человечески. А ты заметила, как Ранк был сегодня оживлен?

НОРА. Да? Разве? Мне не удалось с ним поговорить.

ХЕЛЬМЕР. И мне почти тоже. Но я давно не видал его в таком хорошем настроении. (*Глядит на нее с минуту, затем подходит к ней поближе.*) Гм!.. Однако как чудесно опять очутиться у себя дома. Ах ты, очаровательная юная красавица!

НОРА. Не гляди на меня так, Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Что? Мне нельзя смотреть на свое драгоценнейшее сокровище? На всю эту прелесть, которая принадлежит мне, мне одному, вся целиком!

НОРА (*переходя на другую сторону стола*). Не надо так говорить со мной сегодня.

ХЕЛЬМЕР (*следуя за нею*). У тебя в крови все еще кипит тарантелла, как погляжу. И оттого ты еще очаровательнее... Слышишь?.. Гости начинают расходиться. (*Понизив голос.*) Нора... скоро в доме все стихнет.

НОРА. Надеюсь.

ХЕЛЬМЕР. Не так ли, моя любимая? О, знаешь, когда я бываю с тобою в обществе, знаешь, почему я там мало говорю с тобой, держусь от тебя подальше, лишь украдкой поглядываю на тебя?.. Знаешь почему? Потому что я представляю себе, будто ты моя тайная любовь, что мы с тобой

обручены тайком и никто даже не подозревает, что между нами есть что-то.

НОРА. Да, да, да, я ведь знаю, что все твои мысли около меня.

ХЕЛЬМЕР. А когда мы собираемся уходить и я накидываю шаль на твои нежные, юные плечи... на этот дивный изгиб шеи от затылка... я представляю себе, что ты моя юная невеста... что мы прямо из-под венца... что я впервые введу тебя сейчас в свой дом... в первый раз останусь с тобой наедине... один с тобой, моя юная, трепещущая прелесть! Весь этот вечер у меня не было иной мысли, иного желания, кроме тебя. Когда я увидел, как ты носишься и манишь в тарантелле... у меня кровь закипела... я не мог больше... Оттого я и увлек тебя оттуда так рано...

НОРА. Поди, Торвальд... Оставь меня. Я не хочу...

ХЕЛЬМЕР. Что это значит? Ты меня поддразниваешь, малютка Нора? Не хочу?.. Или я тебе не муж?..

Стук во входную дверь.

НОРА (*вздрагивая*). Слышишь?

ХЕЛЬМЕР (*оборачивается*). Кто там?

РАНК (*за дверями*). Это я. Можно на минутку?

ХЕЛЬМЕР (*тихо, с досадой*). И что ему теперь понадобилось? (*Громко.*) Сейчас. (*Идет и отпирает дверь.*) Вот это славно, что ты не прошел мимо нас.

РАНК. Мне послышался твой голос, вот и захотелось заглянуть к вам. (*Окинув комнату беглым взглядом.*) Н-да, эти милые знакомые места. Хорошо у вас здесь, уютно, у вас – обоих.

ХЕЛЬМЕР. Кажется, тебе и наверху было сегодня хорошо, уютно.

РАНК. Восхитительно. И почему бы нет? Отчего не взять от жизни все, что она дает? Во всяком случае, сколько можно и пока можно. Вино было превосходное...

ХЕЛЬМЕР. Особенно шампанское!..

РАНК. И ты заметил? Просто не верится, сколько я мог влить в себя.

НОРА. Торвальд тоже выпил сегодня много шампанского.

РАНК. Да?

НОРА. Да, а после этого он всегда в отличном настроении.

РАНК. Да что ж, почему и не кутнуть разок вечерком после проведенного с пользой дня?

ХЕЛЬМЕР. Проведенного с пользой! Этим я, к сожалению, не могу

похвалиться.

РАНК (*ударяя его по плечу*). А я так могу!

НОРА. Доктор Ранк, вы, наверное, предпринимали сегодня какое-нибудь научное исследование?

РАНК. Вот именно.

ХЕЛЬМЕР. Те-те-те! Малютка Нора говорит о научных исследованиях?

НОРА. И можно поздравить – с успехом?

РАНК. Н-да, можете.

НОРА. Значит, результат получился хороший?

РАНК. Наилучший и для врача и для пациента – уверенность.

НОРА (*быстро, пытливо*). Уверенность?

РАНК. Полная уверенность. Ну как не кутнуть после этого?

НОРА. Да, вы правильно сделали, доктор.

ХЕЛЬМЕР. И я то же скажу. Только бы тебе не пришлось расплачиваться за это завтра.

РАНК. Ну, даром ничего в этой жизни не дается!

НОРА. Доктор Ранк, вы, верно, охотник до маскарадов?

РАНК. Да, если много забавных масок...

НОРА. Слушайте же, чем нам с вами нарядиться в следующий раз?

ХЕЛЬМЕР. Ах ты, ветрогонка! Ты уж думаешь о следующем разе?

РАНК. Нам с вами? Сейчас скажу. Вам – баловнем счастья...

ХЕЛЬМЕР. А ты придумай-ка наряд, который бы ясно выразил эту мысль.

РАНК. Пусть твоя жена явится такой, какой она всегда бывает в жизни...

ХЕЛЬМЕР. Вот это метко сказано. Ну, а ты придумал, чем сам явишься?

РАНК. Да, дружище, это у меня решено.

ХЕЛЬМЕР. Ну?

РАНК. На следующем маскараде я появлюсь невидимкой...

ХЕЛЬМЕР. Вот так выдумка!

РАНК. Есть такая большая черная шапка, – или ты не слыхал о шапке-невидимке? Стоит надеть ее – и человека как не бывало.

ХЕЛЬМЕР (*подавляя улыбку*). Да, это так.

РАНК. Но я совсем забыл, для чего, собственно, зашел. Хельмер, дай-ка мне сигару, из гаванских, потемнее.

ХЕЛЬМЕР. С величайшим удовольствием. (*Предлагает портсигар.*)

РАНК (*берет одну и обрезает кончик*). Спасибо.

НОРА (*зажигая спичку*). А мне позвольте предложить вам огоньку.
РАНК. Спасибо вам.

Она держит перед ним спичку, и он закуривает.

И прощайте!

ХЕЛЬМЕР. Прощай, прощай, дружище!

НОРА. Спокойного сна, доктор Ранк.

РАНК. Спасибо за пожелание.

НОРА. Пожелайте мне того же.

РАНК. Вам? Ну, раз вы хотите – спокойного сна. И спасибо за огонек.

(Кивает им обоим и уходит.)

ХЕЛЬМЕР *(вполголоса)*. Здорово выпил.

НОРА *(рассеянно)*. Пожалуй.

Хельмер вынимает из кармана ключи и идет в переднюю.

Торвальд... зачем ты?

ХЕЛЬМЕР. Надо опорожнить ящик. Он уже полон. Места не хватит для утренних газет...

НОРА. Ты хочешь работать ночью?

ХЕЛЬМЕР. Ты знаешь, что не хочу... Что это? Тут кто-то возился с замком!

НОРА. С замком?

ХЕЛЬМЕР. Да, конечно. Что же это там застряло? Нельзя допустить, чтобы прислуга... Да, тут сломанная шпилька. Нора, твоя шпилька!

НОРА *(быстро)*. Ах, так это, верно, дети...

ХЕЛЬМЕР. Ну, их надо отвадить от этого. Гм!.. Гм!.. Ну, наконец-то удалось отпереть. *(Вынимает из ящика письма и кричит в кухню.)* Элене! Элене! Надо погасить лампу в передней. *(Входит в комнату и запирает дверь в переднюю, показывая Норе кипу писем.)* Вот видишь, сколько набралось! *(Перебирая письма.)* Это что такое?

НОРА *(у окна)*. Письмо! Не надо, не надо, Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Две визитных карточки от Ранка.

НОРА. От Ранка?

ХЕЛЬМЕР (*глядит на них*). «Доктор медицины Ранк». Они сверху лежали: видно, он сунул их, уходя.

НОРА. На них что-нибудь написано?

ХЕЛЬМЕР. Над именем сверху черный крест. Гляди. Что за жуткая фантазия! Точно извещает о собственной смерти.

НОРА. Так оно и есть.

ХЕЛЬМЕР. Что? Ты что-нибудь знаешь? Он тебе говорил что-нибудь?

НОРА. Да. Раз мы получили эти карточки, он, значит, простился с нами. Теперь запрется у себя и умрет.

ХЕЛЬМЕР. Мой бедный друг!.. Я так и знал, что мне недолго удастся сохранить его. Но чтобы так скоро... И спрячется от всех, как раненый зверь...

НОРА. Раз чему быть – так лучше без лишних слов. Так ведь, Торвальд?

ХЕЛЬМЕР (*ходит взад и вперед*). Мы так сжились с ним. Я как-то не могу себе представить, что его не будет. Он, его страдания, его одиночество создавали какой-то легкий облачный фон нашему яркому, как солнце, счастью... Ну, а может быть, оно и к лучшему. Для него, во всяком случае. (*Останавливается.*) Да, пожалуй, и для нас, Нора. Теперь мы с тобой будем одни – всецело друг для друга. (*Обнимая ее.*) Моя любимая... Мне все кажется, что я недостаточно крепко держу тебя. Знаешь, Нора... не раз мне хотелось, чтобы тебе грозила неминуемая беда и чтобы я мог поставить на карту свою жизнь и кровь – и все, все ради тебя.

НОРА (*высвобождаясь, твердо, решительно*). Прочти же твои письма, Хельмер.

ХЕЛЬМЕР. Нет, нет, не сегодня. Я хочу быть с тобой, моя ненаглядная, у тебя.

НОРА. Зная, что друг твой умирает?

ХЕЛЬМЕР. Ты права. Это взволновало нас обоих. В наши отношения вторглось нечто некрасивое – мысль о смерти, о разложении. Надо сначала освободиться от этого. Пока что разойдемся каждый к себе...

НОРА (*обвивая его шею руками*). Торвальд... спокойной ночи! Спокойной ночи!

ХЕЛЬМЕР (*целуя ее в лоб*). Спокойной ночи, моя певунья-пташечка! Спи спокойно, Нора. Теперь я прочту письма. (*Уходит с письмами в кабинет и затворяет за собой дверь.*)

НОРА (*с блуждающим взором, шатаясь, бродит по комнате, хватая домино Хельмера, набрасывает на себя и шепчет быстро, хрипло, прерывисто*). Никогда не видеть его больше. Никогда. Никогда. Никогда.

(Набрасывает на голову шаль.) И детей тоже никогда не видать. И их тоже. Никогда. Никогда. Никогда... О-о! Прямо в темную, ледяную воду... в бездонную глубину... О-о! Скорее бы уж конец, скорее... Вот теперь он взял письмо... читает... Нет, нет, еще не сейчас... Торвальд, прощай! И ты и дети... *(Хочет кинуться в переднюю.)*

В эту минуту дверь кабинета распахивается, и на пороге появляется Хельмер с распечатанным письмом в руках.

ХЕЛЬМЕР. Нора!

НОРА *(громко вскрикивает)*. А!

ХЕЛЬМЕР. Что это? Ты знаешь, что в этом письме?

НОРА. Знаю. Пусти меня! Дай уйти!

ХЕЛЬМЕР *(удерживая ее)*. Куда ты?

НОРА *(пытаясь вырваться)*. И не думай спасать меня, Торвальд.

ХЕЛЬМЕР *(отшатываясь)*. Правда! Значит, правда, что он пишет? Ужасно! Нет, нет! Это невозможно, чтобы это было правдой.

НОРА. Это правда. Я любила тебя больше всего в мире.

ХЕЛЬМЕР. Ах, поди ты со своими вздорными увертками!

НОРА *(делая шаг к нему)*. Торвальд!..

ХЕЛЬМЕР. Несчастная... Что ты наделала?!

НОРА. Дай мне уйти. Нельзя, чтобы ты платился за меня. Ты не должен брать этого на себя.

ХЕЛЬМЕР. Не ломай комедию! *(Запирает дверь в переднюю на ключ.)* Ни с места, пока не дашь мне отчета. Ты понимаешь, что ты сделала? Отвечай! Ты понимаешь?

НОРА *(глядит на него в упор и говорит с застывшим лицом)*. Да, теперь начинаю понимать – вполне.

ХЕЛЬМЕР *(шагая по комнате)*. О, какое ужасное пробуждение! Все эти восемь лет... она, моя радость, моя гордость... была лицемеркой, лгуньей... хуже, хуже... преступницей! О, какая бездонная пропасть грязи, безобразия! Тьфу! Тьфу!

Нора молчит и по-прежнему не отрываясь смотрит на него.

(Останавливается перед ней.) Мне бы следовало предчувствовать возможность подобного. Следовало предвидеть. Все легкомысленные принципы твоего отца... Молчи. Ты унаследовала все легкомысленные принципы своего отца. Ни религии, ни морали, ни чувства долга... О, как я наказан за то, что взглянул тогда на его дело сквозь пальцы. Ради тебя. И вот как ты меня отблагодарила.

НОРА. Да, вот как.

ХЕЛЬМЕР. Теперь ты разрушила все мое счастье. Погубила все мое будущее. Ужас подумать! Я в руках бесовестного человека. Он может сделать со мной, что хочет, требовать от меня, чего угодно, приказывать мне, помыкать мной, как вздумается. Я пикнуть не посмею. И упасть в такую яму, погибнуть таким образом из-за ветреной женщины!

НОРА. Раз меня не будет на свете, ты свободен.

ХЕЛЬМЕР. Ах, без фокусов! И у твоего отца всегда были наготове такие фразы. Мне-то какой будет прок из того, что тебя не будет на свете, как ты говоришь. Ни малейшего. Он все-таки может раскрыть дело. А раз он это сделает, меня, пожалуй, заподозрят в том, что я знал о твоём преступлении. Пожалуй, подумают, что за твоей спиной стоял я сам, что это я тебя подучил! И за все это я могу благодарить тебя! А я-то носил тебя на руках все время. Понимаешь ли ты теперь, что ты мне причинила?

НОРА *(с холодным спокойствием)*. Да.

ХЕЛЬМЕР. Это до того невероятно, что я просто опомниться не могу. Но придется постараться как-нибудь выпутаться. Сними шаль. Сними, говорю тебе! Придется как-нибудь ублажить его. Дело надо замять во что бы то ни стало. А что касается нас с тобой, то нельзя и виду подавать: надо держаться, как будто все у нас идет по-старому. Но это, разумеется, только для людей. Ты, значит, останешься в доме, это само собой. Но детей ты не будешь воспитывать. Я не смею доверить их тебе... О-о! И это мне приходится говорить той, которую я так любил и которую еще... Но этому конец. Отныне нет уже речи о счастье, а только о спасении остатков, обломков, декорума! Звонок в передней. *(Вздрагивая.)* Кто это? Так поздно. Неужели надо ждать самого ужасного?.. Неужели он?.. Спрячься, Нора! Скажись больною!

Нора не двигается с места. Хельмер идет и отворяет дверь в переднюю.

СЛУЖАНКА (*полуодетая, из передней*). Письмо барыне.

ХЕЛЬМЕР. Давай сюда. (*Хватает письмо и затворяет дверь.*) Да, от него. Ты не получишь. Я сам прочту.

НОРА. Прочти.

ХЕЛЬМЕР (*около лампы*). У меня едва хватает духу. Быть может, мы уже погибли, и ты и я... Нет, надо же узнать. (*Лихорадочно вскрывает конверт, пробегает глазами несколько строк, смотрит на вложенную в письмо бумагу и радостно вскрикивает.*) Нора!

Нора вопросительно смотрит на него.

Нора... Нет, дай прочесть еще раз... Да, да, так. Спасен! Нора, я спасен!

НОРА. А я?

ХЕЛЬМЕР. И ты, разумеется. Мы оба спасены, и ты и я. Гляди! Он возвращает тебе твое долговое обязательство. Пишет, что раскаивается и жалеет... что счастливый поворот в его судьбе... Ну да все равно, что он там пишет. Мы спасены, Нора! Никто тебе ничего не может сделать. Ах, Нора, Нора!.. Нет, сначала уничтожить всю эту гадость. Посмотрим-ка... (*Бросает взгляд на расписку.*) Нет, и смотреть не хочу. Пусть все это будет для меня только сном. (*Разрывает в клочки и письмо и долговое обязательство, бросает в печку и смотрит, как все сгорает.*) Вот так. Теперь и следа не осталось... Он писал, что ты с сочельника... Ах, какие же это были, ужасные три дня для тебя, Нора!

НОРА. Я жестоко боролась эти три дня.

ХЕЛЬМЕР. И страдала и не видела другого исхода, как... Нет, не надо и вспоминать обо всем этом ужасе. Будем теперь только радоваться и твердить: все прошло, прошло! Слушай, же, Нора, ты как будто еще не понимаешь, что все прошло. Что же это такое... Ты как будто окаменела? Ах, бедная малютка Нора, я понимаю, понимаю. Тебе не верится, что я простил тебя. Но я простил, Нора, клянусь, я простил тебе все. Я ведь знаю: все, что ты наделала, ты сделала из любви ко мне.

НОРА. Это верно.

ХЕЛЬМЕР. Ты любила меня, как жена должна любить мужа. Ты только не смогла хорошенько разобраться в средствах. Но неужели ты думаешь, что я буду меньше любить тебя из-за того, что ты неспособна действовать самостоятельно? Нет, нет, смело обопрись на меня, я буду твоим

советчиком, руководителем. Я не был бы мужчиной, если бы именно эта женская беспомощность не делала тебя вдвое милее в моих глазах. Ты не думай больше о тех резких словах, которые вырвались у меня в минуту первого испуга, когда мне показалось, что все вокруг меня рушится. Я простил тебя, Нора. Клянусь тебе, я простил тебя.

НОРА. Благодарю тебя за твое прощение. *(Уходит в дверь направо.)*

ХЕЛЬМЕР. Нет, постой... *(Заглядывая туда.)* Ты что хочешь?

НОРА *(из другой комнаты)*. Сбросить маскарадный костюм.

ХЕЛЬМЕР *(у дверей)*. Да, да, хорошо. И постарайся успокоиться, прийти в себя, моя бедная напуганная певунья-пташка. Обопрись спокойно на меня, у меня широкие крылья, чтобы прикрыть тебя. *(Ходит около дверей.)* Ах, как у нас тут славно, уютно, Нора. Тут твой приют, тут я буду лелеять тебя, как загнанную голубку, которую спас невредимой из когтей ястреба. Я сумею успокоить твое бедное трепещущее сердечко. Мало-помалу это удастся, Нора, поверь мне. Завтра тебе все уже покажется совсем иным, и скоро все пойдет опять по-старому, мне не придется долго повторять тебе, что я простил тебя. Ты сама почувствуешь, что это так. Как ты можешь думать, что мне могло бы теперь прийти в голову оттолкнуть тебя или даже хоть упрекнуть в чем-нибудь? Ах, ты не знаешь сердца настоящего мужа, Нора. Мужу невыразимо сладко и приятно сознавать, что он простил свою жену... простил от всего сердца. Она от этого становится как будто вдвойне его собственной – его неотъемлемым сокровищем. Он как будто дает ей жизнь вторично. Она становится, так сказать, и женой его и ребенком. И ты теперь будешь для меня и тем и другим, мое беспомощное, растерянное созданище. Не бойся ничего, Нора, будь только чистосердечна со мной, и я буду и твоей волей и твоей совестью... Что это? Ты не ложишься? Переоделась?

НОРА *(в обыкновенном домашнем платье)*. Да, Торвальд, переоделась.

ХЕЛЬМЕР. Да зачем? В такой поздний час?..

НОРА. Мне не спать эту ночь...

ХЕЛЬМЕР. Но, дорогая Нора...

НОРА *(смотрит на свои часы)*. Не так еще поздно. Присядь, Торвальд. Нам с тобой есть о чем поговорить. *(Садится к столу.)*

ХЕЛЬМЕР. Нора... что это? Это застывшее выражение...

НОРА. Присядь. Разговор будет долгий. Мне надо многое сказать тебе.

ХЕЛЬМЕР *(садясь к столу напротив нее)*. Ты меня пугаешь, Нора. И я не понимаю тебя.

НОРА. В том-то и дело. Ты меня не понимаешь. И я тебя не понимала... до нынешнего вечера. Нет, не прерывай меня. Ты только

выслушай меня... Сведем счеты, Торвальд.

ХЕЛЬМЕР. Что такое ты говоришь?

НОРА (*после короткой паузы*). Тебя не поражает одна вещь, вот сейчас, когда мы так сидим с тобой?

ХЕЛЬМЕР. Что бы это могло быть?

НОРА. Мы женаты восемь лет. Тебе не приходит в голову, что это ведь в первый раз мы с тобой, муж с женою, сели поговорить серьезно?

ХЕЛЬМЕР. Серьезно... в каком смысле?

НОРА. Целых восемь лет... больше... с первой минуты нашего знакомства мы ни разу не обменялись серьезным словом о серьезных вещах.

ХЕЛЬМЕР. Что же мне было посвящать тебя в свои деловые заботы, которых ты все равно не могла мне облегчить.

НОРА. Я не говорю о деловых заботах. Я говорю, что мы вообще никогда не заводили серьезной беседы, не пытались вместе обсудить что-нибудь, вникнуть во что-нибудь серьезное.

ХЕЛЬМЕР. Ну, милочка Нора, разве это было по твоей части?

НОРА. Вот мы и добрались до сути. Ты никогда не понимал меня... Со мной поступали очень несправедливо, Торвальд. Сначала папа, потом ты.

ХЕЛЬМЕР. Что! Мы двое?.. Когда мы оба любили тебя больше, чем кто-либо на свете?

НОРА (*качая головой*). Вы никогда меня не любили. Вам только нравилось быть в меня влюбленными.

ХЕЛЬМЕР. Нора, что это за слова?

НОРА. Да, уж так оно и есть, Торвальд. Когда я жила дома, с папой, он выкладывал мне все свои взгляды, и у меня оказывались те же самые; если же у меня оказывались другие, я их скрывала, – ему бы это не понравилось. Он звал меня своей куколкой-дочкой, забавлялся мной, как я своими куклами. Потом я попала к тебе в дом....

ХЕЛЬМЕР. Что за выражение, когда говоришь о нашем браке!

НОРА (*невозмутимо*). Я хочу сказать, что я из папиных рук перешла в твои. Ты все устраивал по своему вкусу, и у меня стал твой вкус или я только делала вид, что это так, – не знаю хорошенько. Пожалуй, и то и другое. Иногда бывало так, иногда этак. Как оглянусь теперь назад, мне кажется, я вела здесь самую жалкую жизнь, перебиваясь со дня на день!.. Меня поили, кормили, одевали, а мое дело было развлекать, забавлять тебя, Торвальд. Вот в чем проходила моя жизнь. Ты так устроил. Ты и папа много виноваты передо мной. Ваша вина, что из меня ничего не вышло.

ХЕЛЬМЕР. Нора! Какая нелепость! Какая неблагодарность! Ты ли не

была здесь счастлива?

НОРА. Нет, никогда. Я воображала, что была, но на самом деле никогда этого не было.

ХЕЛЬМЕР. Ты не была... не была счастлива!

НОРА. Нет, только весела. И ты был всегда так мил со мной, ласков. Но весь наш дом был только большой детской. Я была здесь твоей куколкой-женой, как дома у папы была папиной куколкой-дочкой. А дети были уж моими куклами. Мне нравилось, что ты играл и забавлялся со мной, как им нравилось, что я играю и забавляюсь с ними. Вот в чем состоял наш брак, Торвальд.

ХЕЛЬМЕР. Тут есть, пожалуй, доля правды, как это ни преувеличенно и ни выпендренно. Но теперь у нас все пойдет по-другому. Время забав прошло! Пора взяться за воспитание.

НОРА. За чье? За мое или детей?

ХЕЛЬМЕР. И за твое и за их, дорогая Нора.

НОРА. Ах, Торвальд, не тебе воспитать из меня настоящую жену себе.

ХЕЛЬМЕР. И ты это говоришь?

НОРА. А я... разве я подготовлена воспитывать детей?

ХЕЛЬМЕР. Нора!

НОРА. Не сам ли ты сейчас лишь говорил, что не смеешь доверить мне этой задачи?

ХЕЛЬМЕР. В минуту раздражения. Можно ли обращать на это внимание!

НОРА. Нет, ты рассудил правильно. Эта задача не по мне. Мне надо сначала решить другую задачу. Надо постараться воспитать себя самое. И не у тебя мне искать помощи. Мне надо заняться этим одной. Поэтому я ухожу от тебя.

ХЕЛЬМЕР (вскакивая). Что ты сказала?

НОРА. Мне надо остаться одной, чтобы разобраться в самой себе и во всем прочем. Потому я и не могу остаться у тебя.

ХЕЛЬМЕР. Нора! Нора!

НОРА. И я уйду сейчас же. Кристина, верно, даст мне ночлег...

ХЕЛЬМЕР. Ты не в своем уме! Кто тебе позволит! Я запрещаю!

НОРА. Теперь напрасно запрещать мне что бы то ни было. Я возьму с собой лишь свое. От тебя ничего не возьму, ни теперь, ни после.

ХЕЛЬМЕР. Что же это за безумие!

НОРА. Завтра я уеду домой... то есть в мой родной город. Там мне будет легче устроиться.

ХЕЛЬМЕР. Ах ты, ослепленное, неопытное создание!

НОРА. Надо же когда-нибудь набраться опыта, Торвальд.

ХЕЛЬМЕР. Покинуть дом, мужа, детей! И не подумаешь о том, что скажут люди?

НОРА. На это мне нечего обращать внимания. Я знаю только, что мне это необходимо.

ХЕЛЬМЕР. Нет, это возмутительно! Ты способна так пренебречь самыми священными своими обязанностями!

НОРА. Что ты считаешь самыми священными моими обязанностями?

ХЕЛЬМЕР. И это еще нужно говорить тебе? Или у тебя нет обязанностей перед твоим мужем и перед твоими детьми?

НОРА. У меня есть и другие, столь же священные.

ХЕЛЬМЕР. Нет у тебя таких! Какие это?

НОРА. Обязанности перед самой собою.

ХЕЛЬМЕР. Ты прежде всего жена и мать.

НОРА. Я в это больше не верю. Я думаю, что прежде всего я человек, так же как и ты, или, по крайней мере, должна постараться стать человеком. Знаю, что большинство будет на твоей стороне, Торвальд, и что в книгах говорится в этом же роде. Но я не могу больше удовлетворяться тем, что говорит большинство и что говорится в книгах. Мне надо самой подумать об этих вещах и попробовать разобраться в них.

ХЕЛЬМЕР. Как будто твое положение в собственном доме не ясно и без того? Да разве у тебя нет надежного руководства по таким вопросам? Нет религии?

НОРА. Ах, Торвальд, я ведь не знаю хорошенько, что такое религия.

ХЕЛЬМЕР. Что ты говоришь?

НОРА. Я знаю это лишь со слов пастора Хансена, у которого готовилась к конфирмации. Он говорил, что религия то-то и то-то. Когда я высвобожусь из всех этих пут, останусь одна, я разберусь и в этом. Я хочу проверить, правду ли говорил пастор Хансен или, по крайней мере, может ли это быть правдой для меня.

ХЕЛЬМЕР. Нет, это просто неслыханно со стороны такой молоденькой женщины! Но если тебя не может вразумить религия, так дай мне задеть в тебе хоть совесть. Ведь нравственное-то чувство в тебе есть? Или – отвечай мне – и его у тебя нет?

НОРА. Знаешь, Торвальд, на это нелегко ответить. Я, право, и этого не знаю. Я совсем как в лесу во всех этих вопросах. Знаю только, что я совсем иначе сужу обо всем, нежели ты. Мне вот говорят, будто и законы совсем не то, что я думала. Но чтобы эти законы были правильны – этого я никак не пойму. Выходит, что женщина не вправе пощадить своего умирающего

старика отца, не вправе спасти жизнь мужу! Этому я не верю.

ХЕЛЬМЕР. Ты судишь, как ребенок. Не понимаешь общества, в котором живешь.

НОРА. Да, не понимаю. Вот и хочу присмотреться к нему. Мне надо выяснить себе, кто прав – общество или я.

ХЕЛЬМЕР. Ты больна, Нора. У тебя жар. Я готов подумать, что ты потеряла рассудок.

НОРА. Никогда еще не бывала я в более здоровом рассудке и твердой памяти.

ХЕЛЬМЕР. И ты в здоровом рассудке и твердой памяти бросаешь мужа и детей?

НОРА. Да.

ХЕЛЬМЕР. Тогда остается предположить одно.

НОРА. А именно?

ХЕЛЬМЕР. Что ты меня больше не любишь.

НОРА. Да, в этом-то все и дело.

ХЕЛЬМЕР. Нора... И ты это говоришь!

НОРА. Ах, мне самой больно, Торвальд. Ты был всегда так мил со мной. Но я ничего не могу тут поделать. Я не люблю тебя больше.

ХЕЛЬМЕР (*с усилием преодолевая себя*). Это ты тоже решила в здоровом рассудке и твердой памяти?

НОРА. Да, вполне здраво. Потому-то я и не хочу здесь оставаться.

ХЕЛЬМЕР. И ты сумеешь также объяснить мне причину, почему я лишился твоей любви?

НОРА. Да, сумею. Это случилось сегодня вечером, когда чудо заставило себя ждать. Я увидела, что ты не тот, за кого я тебя считала.

ХЕЛЬМЕР. Объяснись получше, я совсем тебя не понимаю.

НОРА. Я терпеливо ждала целых восемь лет. Господи, я ведь знала, что чудеса не каждый день бывают. Но вот на меня обрушился этот ужас. И я была непоколебимо уверена: вот теперь совершится чудо. Пока письмо Кругстада лежало там, у меня и в мыслях не было, чтобы ты мог сдать на его условия. Я была непоколебимо уверена, что ты скажешь ему: объявляйте хоть всему свету. А когда это случилось бы...

ХЕЛЬМЕР. Ну, что же тогда? Когда я выдал бы на позор и поругание собственную жену!..

НОРА. Когда бы это случилось... я была так непоколебимо уверена, что ты выступишь вперед и возьмешь все на себя – скажешь: виновный – я.

ХЕЛЬМЕР. Нора!

НОРА. Ты хочешь сказать, что я никогда бы не согласилась принять от

тебя такую жертву? Само собой. Но что значили бы мои уверения в сравнении с твоими?.. Вот то чудо, которого я ждала с таким трепетом. И чтобы помешать ему, я хотела покончить с собой.

ХЕЛЬМЕР. Я бы с радостью работал для тебя дни и ночи, Нора... терпел бы горе и нужду ради тебя. Но кто же пожертвует даже для любимого человека своей честью?

НОРА. Сотни тысяч женщин жертвовали.

ХЕЛЬМЕР. Ах, ты судишь и говоришь, как неразумный ребенок.

НОРА. Пусть так. Но ты-то не судишь и не говоришь, как человек, на которого я могла бы положиться. Когда у тебя прошел страх, – не за меня, а за себя, – когда вся опасность для тебя прошла, с тобой как будто ничего и не бывало. Я по-старому осталась твоей птичкой, жаворонком, куколкой, с которой тебе только предстоит обращаться еще бережнее, раз она оказалась такой хрупкой, непрочной. *(Встает.)* Торвальд, в ту минуту мне стало ясно, что я все эти восемь лет жила с чужим человеком и прижила с ним троих детей... О-о, и вспомнить не могу! Так бы и разорвала себя в клочья!

ХЕЛЬМЕР *(упавшим голосом)*. Вижу, вижу... Действительно, между нами легла пропасть... Но разве ее нельзя заполнить, Нора?

НОРА. Такою, какова я теперь, я не гожусь в жены тебе.

ХЕЛЬМЕР. У меня хватит силы стать другим.

НОРА. Быть может – если куклу у тебя возьмут.

ХЕЛЬМЕР. Расстаться... расстаться с тобой!.. Нет, нет, Нора, представить себе не могу!

НОРА *(идет направо)*. Тем это неизбежнее. *(Возвращается с верхней одеждой и небольшим саквояжем в руках, который кладет на стул возле стола.)*

ХЕЛЬМЕР. Нора, Нора, не сейчас! погоди хоть до утра.

НОРА *(надевая манто)*. Я не могу ночевать у чужого человека.

ХЕЛЬМЕР. Но разве мы не могли бы жить, как брат с сестрой?

НОРА *(завязывая ленты шляпы)*. Ты отлично знаешь, так бы долго не протянулось... *(Накидывает шаль.)* Прощай, Торвальд. Я не буду прощаться с детьми. Я знаю, они в лучших руках, чем мои. Такой матери, как я теперь, им не нужно.

ХЕЛЬМЕР. Но когда-нибудь, Нора... когда-нибудь?

НОРА. Как я могу знать? Я совсем не знаю, что из меня выйдет.

ХЕЛЬМЕР. Но ты моя жена и теперь и в будущем – какой бы ты ни стала.

НОРА. Слушай, Торвальд... Раз жена бросает мужа, как я, то он, как я слышала, по закону свободен от всех обязательств по отношению к ней. Я,

во всяком случае, освобождаю тебя совсем. Ты не считай себя связанным ничем, как и я не буду. Обе стороны должны быть вполне свободны. Вот твое кольцо. Отдай мне мое.

ХЕЛЬМЕР. И это еще?

НОРА. И это.

ХЕЛЬМЕР. Вот.

НОРА. Так. Теперь все покончено. Вот сюда я положу ключи. Прислуга знает все, что и как в доме, лучше, чем я. Завтра, когда меня не будет, Кристина придет уложить вещи, которые я привезла с собой из дому. Пусть их вышлют мне.

ХЕЛЬМЕР. Конечно, конечно! Нора, ты и не вспомнишь обо мне никогда?

НОРА. Нет, я, верно, часто буду вспоминать и тебя, и детей, и дом.

ХЕЛЬМЕР. Можно мне писать тебе, Нора?

НОРА. Нет... никогда. Этого нельзя.

ХЕЛЬМЕР. Но ведь нужно же будет посылать тебе...

НОРА. Ровно ничего, ничего.

ХЕЛЬМЕР. Помогать тебе в случае нужды.

НОРА. Нет, говорю я. Ничего я не возьму от чужого человека.

ХЕЛЬМЕР. Нора, неужели я навсегда останусь для тебя только чужим?

НОРА *(берет свой саквояж)*. Ах, Торвальд, тогда надо, чтобы совершилось чудо из чудес.

ХЕЛЬМЕР. Скажи какое!

НОРА. Такое, чтобы и ты и я изменились настолько... Нет, Торвальд, я больше не верю в чудеса.

ХЕЛЬМЕР. А я буду верить. Договаривай! Изменились настолько, чтобы?..

НОРА. Чтобы сожителство наше могло стать браком. Прощай. *(Уходит через переднюю.)*

ХЕЛЬМЕР *(падает на стул у дверей и закрывает лицо руками)*. Нора! Нора! *(Озирается и встает.)* Пусто. Ее нет здесь больше. *(Луч надежды озаряет его лицо.)* Но – чудо из чудес?!

Снизу раздается грохот захлопнувшихся ворот.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)